

ТАЙНАЯ СТРАЖА РОССИИ

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ
ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ОРГАНОВ
ГОСБЕЗОПАСНОСТИ.
КНИГА ВТОРАЯ

Коллектив авторов

**Тайная стража России. Очерки
истории отечественных органов
госбезопасности. Книга 2**

«Алисторус»

2018

УДК 323(470+571)
ББК 66.3(2)

Коллектив авторов

Тайная стража России. Очерки истории отечественных органов госбезопасности. Книга 2 / Коллектив авторов — «Алисторус», 2018

ISBN 978-5-907028-80-7

Вторая книга научного проекта «Тайная стража России» повествует об органах политического сыска, разведки и контрразведки последних десятилетий существования Российской империи; истории создания центральных и местных органов ВЧК; деятельности ОГПУ-НКВД внутри и вне страны Советов; о роли операций, осуществленных органами государственной безопасности в годы Великой Отечественной войны; борьбе органов госбезопасности с вооруженным националистическим подпольем. В эту книгу вошли два новых раздела: «Методология. Историография. Источниковедение» и «Воспоминания. Сообщения. Интервью». Для специалистов и широкого круга читателей, интересующихся историей России.

УДК 323(470+571)
ББК 66.3(2)

ISBN 978-5-907028-80-7

© Коллектив авторов, 2018
© Алисторус, 2018

Содержание

Введение	6
На страже трона	13
Л. С. Яковлев	13
А. И. Логинов	41
Ю. Ф. Овченко	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Тайная стража России
Очерки истории отечественных
органов Госбезопасности

Книга 2

Автор-составитель А. Ю. Попов

© Попов А. Ю. автор-составитель, 2018

© ООО «ТД Алгоритм», 2018

* * *

Введение

По замечанию Н. М. Карамзина, «настоящее бывает следствием прошедшего. Чтобы судить о первом, надлежит вспомнить последнее; одно другим, так сказать, дополняется и в связи представляется мыслям яснее». В процессе работы над второй книгой «Тайной стражи России»¹ составители постарались руководствоваться этим положением классика. Настоящий сборник включает работы по широкому кругу вопросов истории органов госбезопасности XIX–XX вв.: об органах политического сыска, разведки и контрразведки последних десятилетий существования Российской империи, по истории создания центральных и местных органов ВЧК, деятельности ОГПУ-НКВД внутри и вне страны Советов, о роли операций, осуществленных органами государственной безопасности, в достижении победы СССР в Великой Отечественной войне и умиротворении сепаратистски настроенной части населения регионов, присоединившихся к Советскому Союзу накануне войны. Завершает раздел, посвященный послевоенной истории органов госбезопасности, статья об участии сотрудников КГБ СССР в организации органов государственной безопасности республики Афганистан в 1979–1991 гг.

В эту книгу вошли два новых раздела: «Методология. Историография. Источниковедение» и «Воспоминания. Сообщения. Интервью». Надеемся, они также заинтересуют читателей. Несмотря на такой разброс материалов и кажущуюся удаленность описываемых событий от дня сегодняшнего, авторы постарались, чтобы книга была полезной и актуальной – позволяла читателям выстраивать причинно-следственные связи между прошлым и настоящим. Это определило хронологические рамки исследований, составивших ее содержание.

История отечественных органов безопасности в период до середины XIX в. не имеет или имеет отдаленное отношение к тому, как эти органы развивались в последующем. Всякие попытки обнаружить специальные учреждения госбезопасности в период до начала XVIII в. являются модернизацией и свидетельствуют о низкой профессиональной подготовленности авторов, выдающих себя за историков. Искать в древнерусском обществе, еще только переживающем период становления государственности, какие-либо признаки деятельности спецслужб, как, впрочем, и вообще ведомства, занимавшиеся подобного рода деятельностью, бесперспективно. Модернизацией является и стремление отдельных авторов представить в качестве сотрудников спецслужб опричников Ивана Грозного. Колоритные черные всадники с метлами и собачьими головами, притороченными к седлам, не имеют никакого отношения ни к политической полиции императорской России, ни к советским спецслужбам, а уж тем более, к ФСБ. Изуверы Ивана Грозного преследовали иные цели и жили в другую историческую эпоху. Не следует превращать в орган госбезопасности и Приказ тайных дел царя Алексея Михайловича – потому только, что в его названии присутствует слово «тайный», придающий личной канцелярии государя пресловутый «ореол таинственности», присущий спецслужбам. С тем же успехом, в силу специфики работы тогдашнего госаппарата, органом государственной безопасности можно счесть любое другое госучреждение XVII в.

В петровские времена специальные органы политического сыска в России, безусловно, уже есть. Однако попытки возводить к ним последующие органы госбезопасности бесплодны. У всех этих «страшных» ведомств – Преображенского приказа и Тайной канцелярии, Канцелярии тайных розыскных дел и Тайной экспедиции при Правительствующем сенате (описание методов и принципов работы которых способны пощекотать нервы даже подготовленных читателей) – слишком размытая компетенция, поскольку пресловутые два (или три) пункта из указа Петра I, которыми они руководствовались в течение целого века, слишком неопределенны. Дело обычно начиналось по воле самодержца и являлось данным им поручением. От воли пра-

---

¹ Тайная стража России. Очерки истории отечественных органов госбезопасности. М.: Алгоритм, 2017.

вителя зависело и существование того или другого органа политического сыска. Многочисленные реорганизации, проводившиеся при смене правителей – тому подтверждение. При абсолютной монархии в основе работы большинства государственных институтов лежал принцип поручений, которые монарх на время (или постоянно) давал кому-нибудь из доверенных лиц. Кроме различия в задачах, органы политического сыска XVIII и XIX вв. заметно отличались и методами работы. Изменения наметились в период правления Екатерины II, при которой, как писал все тот же Н. М. Карамзин, «страхи Тайной канцелярии исчезли, с ними вместе исчез у нас и дух рабства, по крайней мере, в высших гражданских состояниях»². «Смягчение нравов» нарастало, и окончательный перелом наступил в результате двух актов Александра I 1801 г. – «Об уничтожении Тайной Экспедиции и о ведении дел, производящихся в оной, в Сенате» и «Об уничтожении пытки». Согласно первому из них расследование дел по государственным преступлениям должно было быть поставлено на строго законную основу и перейти в ведение судебных учреждений. Смысл и значение второго понятен уже из его названия.

Учреждение III отделения при Собственной его императорского величества канцелярии во времена Николая I стало в известном смысле шагом назад. Император по существу вернулся к опыту первой половины XVIII в., когда органы политического сыска существовали в качестве учреждений при особе государя (в отличие от предлагавшегося А. Х. Бенкендорфом проекта воссоздания Министерства полиции). Неудивительно, что компетенция III отделения была столь обширна – оно занималось всем, что могло заинтересовать императора. Отсюда и легенда, что на вопрос Бенкендорфа о дополнительных инструкциях лично от него, Николай I, вынув из кармана носовой платок и передав его генералу, сказал: «Вот тебе инструкция. Чтобы ни один платок в России не был омочен слезами».

Усилия политической полиции по отысканию государственных преступников при Николае I, установившем в стране жесткий политический режим и систематически подавлявшем любые проявления общественного движения, кажутся чрезмерными. Политические дела зачастую создавались из ничего, а антиправительственная деятельность понималась тогда столь широко, что III отделение без работы не оставалось. Пытались пресекать и мысли, «подрывающие основы», и крамольные планы, которые из этих мыслей могли последовать. Текущая же работа сводилась к получению донесений от агентов из числа благонадежных подданных, или доносов от равнодушных лиц и отработке всех этих сигналов. Опасная практика «подмораживания» России на время принесла плоды (название процессу было дано при Александре III, правда, в результате его усилий страну просто «разорвало» при императоре Николае II Александровиче – правнуке и тезке государя, предложившего «метод»). В первой половине XIX в. запас прочности режима оказался столь велик, что его, с учетом, разумеется, энтузиазма общества по поводу отмены крепостного права и либеральных реформ Александра II, хватило на первое десятилетие царствования государя-реформатора.

Изменения в общественном строе России, вызванные все теми же преобразованиями Александра II, привели к появлению нового социального типа – разночинца – дворянина, выходца из духовенства, мещанина и т. д., получившего (или получающего) образование, не находящегося на службе, предусмотренной продвижением по лестнице чинов Табели о рангах Петра I, чаще всего пытавшегося найти себе применение в земских и иных общественных учреждениях, возникших в ходе реформ. Разночинцы видели свою миссию в служении не государству, а народу. Их энтузиазм остался невостребованным властью, что привело к разочарованию и распространению в этой массе людей оппозиционных настроений. В результате появилась среда, из которой вышел новый тип противника государственного строя – профессиональный революционер.

---

² Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 41.

Усилия тогдашнего главного начальника III отделения П. А. Шувалова приспособить свое ведомство к требованиям нового времени закончились крахом. Начавшееся весной 1874 г. массовое «хождение в народ» молодежи с целью революционной агитации привело к его отставке. П. А. Шувалов пытался навести порядок в привычной организации работы ведомства, в то время как назрела необходимость менять саму эту организацию. Он был последним начальником III отделения, руководившим системой политического сыска России продолжительный период времени – восемь лет. Судьба его быстро сменявшихся преемников показывает, что эта система переживала агонию: А. Л. Потапов (1874–1876 гг.) сошел с ума; Н. В. Мезенцев (1876–1878 гг.) был убит революционерами; Н. Д. Селиверстов (исполнял обязанности врид начальника III отделения полтора месяца в 1878 г.) был уволен в связи с неспособностью организовать работу; А. Р. Дрентельн (1878–1880 гг.) подал в отставку сам, осознав, что ему не удастся справиться с революционерами.

В эти годы в России сформировалось хорошо организованное революционное подполье, один за другим начали совершаться теракты, наконец, возникла революционная партия «Народная воля», приговорившая к смерти самого Александра II и открывшая на императора настоящую охоту. III отделение и жандармы оказались не в силах переломить ситуацию. Главным слабым местом была организация агентурной работы. Информация, которую III отделение получало от лояльных правительству лиц, позволяла максимум установить того, кто уже совершил преступление, но не могла предотвратить преступление готовящееся. А учитывая огромную опасность, которую представляли террористы «Народной воли», неспособность органов политического сыска своевременно остановить преступника подрывала к ним доверие правительства. В новых условиях нужна была агентура из среды революционеров, т. е. агентами III отделения должны были стать сами политические преступники или специальные агенты, внедренные в революционное подполье и, следовательно, с точки зрения режима абсолютной монархии, вынужденные совершать преступления. Согласиться с этой необходимостью, а точнее, осознать ее, в III отделении так и не смогли.

В августе 1880 г. последовал указ Александра II об упразднении III отделения. Ее функции переходили в учрежденный в составе МВД Департамент государственной полиции. МВД был передан и Отдельный корпус жандармов. Царь надеялся, что объединение общей и политической полиции в рамках одного ведомства позволит восстановить порядок в стране. Так, в конце концов, и получилось. В том же году были образованы первые «охранные отделения» – в Москве и Санкт-Петербурге. В 1883 г. с целью организации системы политического розыска уже по всей территории Российской империи Александром III было утверждено Положение об устройстве секретной полиции. Тогда же в системе российской политической полиции начала создаваться заграничная агентура для работы в центрах русской революционной эмиграции. В 1880-х гг. политический сыск в Российской империи был коренным образом реорганизован – в кадровом, структурном и прочих отношениях. Изменились и методы работы. В истории органов госбезопасности России начался принципиально новый период, а прежние учреждения политического сыска стали историей, не имеющей отношения к реалиям нового времени. Именно этим и определяется нижний хронологический предел очерков, вошедших в настоящую книгу.

В начале XX века в России начали создаваться и специальные органы контрразведки. К сожалению, так поздно, что к началу Первой мировой войны они не были способны эффективно противодействовать немецкой разведке. Об этом с горечью в своих воспоминаниях, изданных уже в эмиграции (в Берлине!), писал бывший помощник начальника контрразведывательного отделения штаба Черноморского флота С. М. Устинов: «Германия значительно ранее России поняла, каким сильным орудием является шпионаж, и подготавливалась к войне с Россией не только производством усовершенствованных пушек и громадного количества снарядов, но также и организацией шпионажа. Исключительно благоприятные для Германии исто-

рические и политические условия дали ей возможность так опутать всю Россию сетью шпионажа, что, в сущности, вести с ним борьбу было почти невозможно. Россия всегда нуждалась в немцах, которые исстари были ее учителями, и слишком доверяла им, допуская во все отрасли управления и государственного строительства. Германия покрыла всю Россию своими торгово-промышленными предприятиями, проникла через своих агентов во все государственные учреждения, министерства, консульства, частные общества, фабрики и заводы. Ее агенты занимали ответственные должности, ведали делами особой государственной важности, входили в секретные заседания, управляли предприятиями, служили инженерами на заводах, плавали на русских военных судах, занимались торговлей, служили шоферами и лакеями, танцевали в кафешантанах и даже торговали на базарах. Словом, Германия везде имела свои уши и глаза, которые все видели, все слышали. Благодаря сложной организации связи, путем всякого рода шифров и сигнализаций, агенты могли говорить так, что их слышали в Германии. К началу войны Германия имела самые точные сведения по всем вопросам военного вооружения и снабжения русской армии. Она располагала точными картами России с нанесением на них всех топографических сведений и планами всех укреплений. Ее секретные агенты, действующие у нас в тылу, составляли целую армию, которая была еще опаснее, чем открытый вооруженный враг»³. Работа российских органов контрразведки начала по-настоящему разворачиваться только в годы войны. Например, контрразведывательное отделение Штаба командующего Черноморским флотом, в котором служил мемуарист, было утверждено только в конце 1915 г. – спустя год после начала войны.

Может показаться, что С. М. Устинов чрезмерно сгустил краски, описывая засилье в России немецких шпионов. Но то, что немецкая разведка и Германия в целом были к войне готовы лучше, общеизвестно. Наглядный пример тому – любопытный эпизод из воспоминаний знаменитого А. А. Брусилова. Летом 1914 г. он вместе с женой отдыхал на немецком курорте в Киссингене. Выбирая место для отдыха, генерал был «твердо убежден, что всемирная война неизбежна», однако он рассчитывал, что «она должна была начаться в 1915 г.», поэтому они с женой и решили не откладывать «лечебной поездки и отдыха и вернуться к маневрам домой». «Расчеты» А. А. Брусилова были чисто теоретическими и «основывались на том, что хотя все великие державы спешно вооружались, но Германия опередила всех и должна была быть вполне готовой к 1915 г., тогда как Россия с грехом пополам предполагала изготавиться к этому великому экзамену народной мощи к 1917 г., да и Франция далеко не завершила еще своей подготовки»⁴. А. А. Брусилов в тот момент командовал армейским корпусом, стоявшим на границе с Австро-Венгрией, следовательно, его подразделение должно было в случае войны оказаться в самой гуще событий. Однако никто не удосужился его предостеречь, а лучше и прямо запретить поездку в страну, с которой вот-вот должна была начаться война. В таком же положении были и остальные русские, лечившиеся на немецком курорте. Сам А. А. Брусилов, узнав об убийстве наследника австро-венгерского престола и ультиматуме, выдвинутом Австро-Венгрией Сербии, спешно выехал в Берлин, а оттуда – на родину. Но ему это не было никем предписано!

Далее генерал пишет: «С трудом добрались мы до вокзала, добыли билеты и ночным скорым поездом уехали на Александрово, куда и прибыли благополучно в 5 часов утра 16 июля. Между прочим, во все время нашего пребывания в Киссингене нашим соседом за табльдотом был бравый, усатый, военного вида кавалер. Он ежедневно приезжал на автомобиле и очень всегда спешил по каким-то делам. На всех прогулках он нам попадался на пути. Садясь в вагон в Киссингене, а затем в Берлине, мы опять его видели. Тут же я сообразил, что это неспроста. Очевидно, он наблюдает за мной и знает, что я – командир русского корпуса, стоящего на гра-

---

³ Устинов С. М. Записки начальника контрразведки (1915–1920 гг.). М., 2014. С. 28–29.

⁴ Брусилов А. А. Мои воспоминания. М., 1946. С. 49.

нице. Когда в Александрове, в виду наших жандармов, проверявших паспорта, он опять мелькнул среди публики, остававшейся за границей, я не вытерпел и, сняв шляпу, иронически ему поклонился: мне стало очевидно, что я счастливо ускользнул из его рук, – еще два дня, и меня бы арестовали. Нельзя не удивляться и не оценить берлинскую военную разведку, если даже в мирное время они были так предусмотрительны и всех нас грешных, русских генералов-путешественников, наперечет знали». Большинство же русских, «не сообразивших своевременно убраться из Германии, попало в значительно худшее положение и перенесло массу лишений»⁵.

Оппозиционные к самодержавию силы, пришедшие к власти в результате Февральской революции 1917 г., упразднили политический розыск как направление деятельности государственного аппарата (о чем потом пожалели). Слабая контрразведка продолжила свое функционирование в прежнем виде вплоть до образования ВЧК. Получив власть, большевики провозгласили полный разрыв с прежней системой организации обеспечения государственной безопасности. Казалось, под сомнение ставятся не только задачи, но и методы и сама потребность в подобного рода учреждениях. Тогда сомневались и в жизнеспособности государства в целом. Однако вскоре лидеры большевиков были вынуждены признать необходимым появление чекистов, постепенно превратив ВЧК в «вооруженный отряд партии», т. е. в партийно-государственную службу безопасности, сделав политический сыск важной составляющей деятельности органа безопасности государства, осуществляющего «диктатуру пролетариата». Постепенно на вооружение ВЧК, а затем и ОГПУ были взяты старые дореволюционные методы работы.

И бывшие сотрудники царской охраны, и советские чекисты отрицали какую-либо преемственность. Так полковник П. П. Заварзин, успевший в последнее десятилетие существования царской России последовательно побывать на должностях начальников Московского охранного отделения, Одесского жандармского управления и Варшавского губернского жандармского управления, в мемуарах, опубликованных в 1924 г. в Париже, доказывал неправильность утверждения о том, что «для современной большевистской „чека“ прототипом явилась „охранка“. Последние были только розыскными органами, „чека“ же является универсальным учреждением розыска, расследования, вынесения смертных приговоров и приведения их в исполнение. Фактически „чека“ даже не учреждение по означенным функциям, а просто орган, при посредстве которого выполняется партийное постановление, имеющее целью: а) уничтожить русскую буржуазию, б) кадровое офицерство и в) в частности, офицеров Отдельного корпуса жандармов, из коих в живых осталось менее 10 %»⁶. Действительно, вплоть до 1956 г. отечественные органы государственной безопасности продолжали оставаться прежде всего карательным органом советской власти, при этом не играя самостоятельной политической роли, часто руководствуясь не законом, а установками и директивами высшего политического руководства. Немалую роль играло и то, что общеобразовательный уровень большей части сотрудников органов тогда был невысок, и действовать, отталкиваясь от несложных и близких начальственных указаний, было проще, чем следовать нормам права. Однако сотрудникам органов (продолжавшим на всем протяжении советского периода истории называть себя чекистами даже тогда, когда мечты о мировой революции, которыми жили Ф. Э. Дзержинский и прочие большевики, остались в далеком прошлом) удалось использовать все самое ценное, что было накоплено в опыте работы органов государственной безопасности дореволюционной России. Но не только! В 1917 г., с образованием ВЧК, в нашей стране начался процесс становления и развития единой системы органов государственной безопасности. Структуры, решавшие разведывательные и контрразведывательные задачи, обеспечивавшие охрану пра-

---

⁵ Там же. С. 51–52.

⁶ Заварзин П. П. Работа тайной полиции // «Охранка»: воспоминания руководителей охранных отделений. Т.1. М., 2004. С. 416–417.

вопорядка и защиту границ, впервые были выстроены в целостную специальную организацию под единым началом.

В осуществлении разведки и контрразведки преемственность несомненна. С. М. Устинов, мемуары которого цитировались выше, ненавидевший большевиков, писал в 1923 г.: «Последняя война показала все громадное значение шпионажа и всю необходимость организованной борьбы с ним. Как бы многочисленна ни была армия, как бы хорошо ни была она вооружена и снабжена, она прежде всего должна иметь глаза и уши. Полководец, который ведет свою армию в бой, должен знать не только где находится противник, но и его количество, и род его оружия. Государство же, которое ведет войну, должно знать не только то, что делается у неприятеля на фронте, но и все, что у него в глубоком тылу. Отсюда понятно, как важно не дать противнику этих сведений о своей армии и сохранение в тайне не только маневров, но и приготовлений к ним. Вовремя предупрежденный преступник может не только парализовать неожиданное нападение, но, подготовившись к нему, и сам перейти в наступление»⁷.

Прошли десятилетия, и два генерала советской контрразведки, убежденные коммунисты – В. Н. Удилов и Б. В. Гераскин, – доживая свои дни уже в постсоветский период, писали в своих мемуарных книгах примерно то же самое. Первый: «Главное в контрразведке – это обеспечить безопасность нашего государства, наших военных, научных, промышленных и других секретов. Выявить, предупредить и пресечь устремления вражеских специальных служб и разведок, направленных на подрыв независимости и целостности нашей Родины, независимо от того, какими политическими и личными амбициями наделены пришедшие к власти руководители страны и их аппарат»⁸. Второй: «Задачи органов военной контрразведки корректировались и уточнялись в зависимости от внутривнутриполитической и международной обстановки. В них вносились изменения и дополнения с учетом условий гражданской войны, периода мирного строительства, ожесточенной борьбы с немецко-фашистскими захватчиками в 1941–1945 гг. и последующего развала Советского Союза. Однако главными задачами всегда оставались: ограждение вооруженных сил от всех видов разведки иностранных спецслужб; надежная защита сведений, составляющих государственную и военную тайну; выявление и пресечение террористической и диверсионной деятельности в войсках; оказание содействия командованию в обеспечении боевой и мобилизационной готовности частей и соединений армии и флота»⁹.

Если отрешиться от эмоций и оценивать события только с учетом накопленного спецслужбами опыта, становится ясно, что история советских органов государственной безопасности является продолжением истории органов безопасности царской России. Несмотря на отличие социально-экономического строя и идеологии, преемственность методов и задач слишком очевидна – в соответствии с законами диалектики, как сказали бы в советское время. 1917 год оказался для отечественных спецслужб, при полной смене кадрового состава, важной вехой в развитии, началом этапа, на котором органы госбезопасности значительно усовершенствовали свою организацию и методы деятельности. Окажись иначе, в РСФСР вряд ли бы удалось в короткие сроки создать столь эффективно действующее силовое ведомство. Поэтому верхний хронологический предел, которым завершается наша книга исторических очерков, – 1991 г. Дальше – современность.

В 1991 г., когда распался Советский Союз и в нашей стране опять начались революционные социально-экономические и политические преобразования, в обществе, к счастью, не возобладали радикальные «демократические» настроения и с сотрудниками КГБ не стали расправляться так, как это делали большевики с жандармами в годы Гражданской войны. Струк-

---

⁷ Устинов С. М. Записки начальника контрразведки (1915–1920 гг.). М., 2014. С. 27–28.

⁸ Удилов В. Н. Записки контрразведчика. (Взгляд изнутри). М., 1994. С. 206.

⁹ Гераскин Б. В. Военная контрразведка и армия. Записки ветерана органов военной контрразведки. М., 2011. С.9.

тура ведомства в основном устояла, а его кадровый состав, используя весь свой опыт, приступил к работе в новых условиях. В 1992 году было законодательно закреплено, что органы государственной безопасности России осуществляют свою деятельность на принципах законности, гуманизма, уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина. Было четко определено и то, что современные органы безопасности, в отличие от ВЧК-КГБ, не обслуживают какие-либо партийные или групповые интересы, а строят свою работу на основе закона и в интересах обеспечения безопасности личности, общества и государства. В 1995 году, после неоднократной реорганизации и переименований органов госбезопасности, была образована Федеральная служба безопасности России. Задачи поменялись, но люди, структура и методы сохранились. Исходя из этого, мы можем считать, что своими истоками современные российские спецслужбы уходят в последнюю четверть XIX века, а их история насчитывает уже почти 140 лет.

А. С. Королев

На страже трона

Л. С. Яковлев

Зарождение и развитие в дореволюционной России отечественной контрразведки

Контрразведка: что это и когда это?

В начале данного очерка по всей вероятности следует обозначить некоторые отправные точки: о каком временном периоде пойдет речь и что следует понимать под понятием «контрразведка». Начальный период «дореволюционной» России определяется временем возникновения нашего государства. В отечественной политической культуре свидетельством начала зарождения российской государственности может служить уникальный монументальный памятник «1000-летие России», воздвигнутый в месте зарождения древней Руси в Великом Новгороде в 1862 году. Теперь осталось определить окончание дореволюционного периода в России. Ранее в советской историографии было принято считать, что дореволюционный период заканчивался 25 октября (7 ноября) 1917 г. – т. е. «Великой Октябрьской социалистической революцией». Современная историческая наука подходит к обозначению этого рубежа и самого события несколько иначе. Авторы концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории отказались называть происходившие в России в 1917 г. события терминами Февральская революция и Октябрьская революция и объединили их в одну – Великую российскую революцию. Научный руководитель рабочей группы по созданию концепции, директор Института всеобщей истории РАН Александр Чубарьян подтвердил, что Великая Октябрьская социалистическая революция (как ее называли во времена СССР) переименована в Великую российскую революцию по примеру французской, и теперь это понятие включает в том числе и события февраля 1917 г., и события Гражданской войны как продолжение революции¹⁰. Разделяя точку зрения ученых Института всеобщей истории РАН, окончание дореволюционного периода в истории России можно соотнести с началом Великой российской революции 23 февраля (8 марта) 1917 г. Таким образом, разговор о российской контрразведке займет у нас период с конца IX в. по февраль 1917 г.

Осталось определиться: что мы понимаем под термином «контрразведка». Большая советская энциклопедия дает такое определение: «Контрразведка – деятельность, осуществляемая специальными органами государства для борьбы против разведок другого государства» (БСЭ, 3-е изд., т.13). Из приведенного определения следует, что контрразведка и по своей сути и по происхождению самого термина («контр», т. е. «против», + разведка) самым непосредственным образом связана с разведкой. Иными словами, где разведка – там и контрразведка. Задача контрразведки защитная: затруднить или сделать невозможным для органов разведки противника сбор информации о важных внутренних функциях и планах, защищаемой социальной структуры, организации и государства в целом. Специальные службы, которые занимаются контрразведывательной деятельностью, часто выполняют ряд смежных функций в области государственной безопасности: охрана VIP-персон (глава государства, лица, занимающих важные общественные и политические должности), противодействие терроризму, борьба

---

¹⁰ См.: <http://top.rbc.ru/society/31/10/2013/886046.shtml> (дата обращения 06.04.2018).

с коррупцией и внутренним диссидентством (политическое и идеологическое инакомыслие) и многое другое. И в этом случае вольно или невольно функции контрразведки по многим вопросам соприкасаются с функциями, которые возлагаются на органы внутренних дел (МВД, НКВД, органы милиции или полиции).

Вопрос зарождения отечественной разведки и контрразведки, как нам представляется, следует начать с комментирования некоторых материалов, посвященных проблемам разведки и контрразведки, которые широко представлены в настоящее время не только в специальных исследованиях, но и в средствах массовой информации. Так, в книге «Разведка была всегда» авторы в самой аннотации к своей книге утверждают: «В России, как в любом государстве с тысячелетней историей, всегда существовали тайные службы, которые никогда не знали мира и бдительно готовились к войне. Разведка существовала на Руси со времен возникновения пути из варяг в греки...»¹¹

Как нам известно, путь из варяг в греки существовал еще до первоначального оформления государственности у восточных славян; тогда выходит, что разведка и контрразведка существовали в условиях протогосударства и даже на этапе классических родоплеменных отношений. Многие авторы в доказывании того, что спецслужбы возникают еще в доисторические времена, нередко обращаются к самой Библии. Так, в Книге Чисел (глава 13) приводится такое утверждение, что Моисей, водивший израильский народ по пустыне (по некоторым данным, это могло быть в конце третьего тысячелетия до н. э.), повелел, когда, наконец, израильтяне приблизились к Ханаанской земле, послать в ту землю двенадцать главных мужей из стана, сказав им: «Пойдите в эту южную страну... и осмотрите землю, какова она, и народ, живущий на ней, силен ли, или слаб... И какова земля, на которой он живет...» Двенадцать соглядатаев (разведчиков) отправились в путь. Сорок дней они осматривали землю Ханаанскую¹². Теперь нам, с учетом приведенных выше высказываний, следует разобраться в содержании понятий «разведка» и «контрразведка», с которыми авторы связывают те далекие исторические события.

Говоря об этимологическом значении терминов «разведка» и «контрразведка», необходимо иметь в виду, что эти термины могут означать: а) определенную функцию; б) вид специфической деятельности; в) определенную государственную структуру, представленную в виде государственного органа, или органа государства. И тогда становится ясно, что по времени возникновения данные явления, обозначенные этими терминами, никогда не совпадают. В начале, с учетом общественных или государственных интересов, зарождается какая-то новая функция, то есть лишь только определенное направление какого-то вида деятельности: например, знать, что творится у соседей (функция разведки), а как противодействие разведке зарождается функция – оберегать свою территорию, свое население от постороннего глаза, от соглядатаев (функция контрразведки). Эти функции, можно согласиться с приведенными выше высказываниями некоторых авторов, могли возникать еще в условиях до государственного существования человека, когда они осуществлялись властными институтами родоплеменного строя (старейшинами, советом старейшин, вече, избираемым военачальником и т. п.). С возникновением государства эти функции начинают возлагаться на государственные структуры (князь, дружина, воеводы и т. п.), а в некоторых случаях эти функции могли осуществляться (помимо государства) и не государственными организациями (например, церковью в период феодального государства).

Появление и развитие в российском государстве терминов, обозначающих разведывательную и контрразведывательную деятельности, имеют свою историю. Разведка в войске (дру-

---

¹¹ Плугин В., Богданов А., Шеремет В. Разведка была всегда. Серия: «Россия. Исторические расследования. «Армада», 1998. 368 с.

¹² Ветхий завет. 4-я Книга Моисеева. Числа 13:1–34; 14:1–30) //См. Библия. Книги священного писания ветхого и нового завета. Юбилейное издание, посвященное тысячелетию Крещения Руси. М.: Изд. Московского патриархата, 1988. С. 141–143.

жине князя) организационно не была отделена от чисто военного дела. Разведку проводили по поручению военачальника «прелагатаи», «соглядатаи» и «просоки» (отдельные воины или воинские отряды, следившие в период боевых действий за передвижением и расположением противника)¹³. Сама деятельность по выявлению шпионов, то, что в современной терминологии именуется контрразведкой, обозначалась как выявление чужих соглядатаев, лазутчиков. При Петре I с начала XVIII в. эта деятельность начинает именоваться как «уведать» (выявить) шпика (шпига) или шпиона. Официальное употребление слова «шпион» в правовых источниках России впервые упоминается в Артикулах воинских Петра I. «Арт. 129. Если кто уведает, что один или многие нечто вредительное учинить намерены, или имеет ведомость о шпионах или иных подозрительных людях, в обозе или гарнизонах обретающихся, и о том в удобное время не объявит, тот имеет, по состоянию дела, на теле или животом наказан быть¹⁴. На рубеже XIX–XX вв. деятельность по линии разведки называлась как «разведывательная деятельность», а для обозначения деятельности по линии контрразведки употреблялся термин «разведочная деятельность», и первый специальный государственный орган российской контрразведки, созданный в 1903 г., получил название «Разведочное отделение». Как свидетельствуют архивные материалы фондов РГВИА (ЦГВИА СССР), в России термин «контрразведка» (лат. Contra, т. е. против, + разведка) в официальной переписке появляется в документах, датированных 1905–1906 гг.

Разведка и контрразведка как общественно-политические институты являются составными элементами безопасности любых социумов. Если исходить из теории известного американского психолога и основателя гуманистической психологии А. Х. Маслоу, разработавшего учение о пяти группах потребностей человека, то можно заключить, что «безопасность», «пища» и «жилище» во все времена являются основными потребностями Гомо Сапиенса (лат. Homo sapiens – человек разумный)¹⁵.

Определенные шаги по организационному оформлению внешней разведки и контрразведки в интересах армии и флота начинают предприниматься только Петром I в условиях длительной Северной войны. Впервые в русской армии осуществление функций разведки и контрразведки начинает возлагаться на конкретно определенное структурное подразделение. Это была квартирмейстерская служба в действующей армии. В воинских частях и соединениях учреждались соответствующие должности: квартирмейстеров, обер-квартирмейстеров и генерал-квартирмейстеров. На эту службу, наряду с ее главными задачами по расквартированию личного состава в местах нахождения войск, возлагалась дополнительная обязанность по выявлению «шпионов» в расположении войск и предварительному разведыванию местности, где предполагалось ведение боевых действий. Для выполнения этих задач предписывалось использовать наряду с чисто военными мерами и негласных помощников (агентуру. – Л.Я.)¹⁶. Юридическое закрепление квартирмейстерская служба нашла в Воинском уставе Петра I.

¹³ Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Книга I. М.: ИД «Русская разведка»: ИИА «Евразия +», 1998. С. 8, 9.

¹⁴ Российское законодательство X–XX веков. В девяти томах. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. М.: Юрид. лит., 1986. С. 351.

¹⁵ Маслоу А. Теория иерархии потребностей. Цитировано из: http://infomanagement.ru/lekciya/teoriya_potrebnoei_maslou (Последняя дата обращения 26.01.2017)

¹⁶ Минаев В. Из прошлого русской разведки // Военная мысль. 1944. № 8–9. С. 85–96.

Петр I

Следующий важный шаг в организации внешней разведки и контрразведки в России был предпринят в начале XIX столетия в связи с угрозами, исходившими от наполеоновской Франции. 27 января 1812 г. была введена новая организация военного министерства, в соответствии с которой в министерстве наряду с другими подразделениями учреждались Военно-ученый комитет (ВУК) и Особенная канцелярия при военном министре (бывшая Экспедиция секретных дел при Военном министерстве)¹⁷. На эти подразделения Военного министерства возлагались обязанности по организации ведения разведки и контрразведки.

27 сентября 1863 г. в результате проведенных военным министром России Д. А. Милютиным преобразований военно-управленческой системы Российской империи было создано Главное управление Генерального штаба (ГУГШ). «Положение и штаты Главного управления Генерального штаба» были высочайше утверждены Александром II. С этого момента, с 27 сентября (9 октября) 1863 г., в России стали существовать «на постоянной основе специальные центральные органы военной разведки»: «3-е (Военно-ученое) и 2-е (Азиатское) отделения ГУГШ»¹⁸.

В середине XIX в. в мировом сообществе появляется институт «военных агентов», в образовании которого принимала участие и Россия. В соответствии с этим институтом Россия получила возможность посылать своих офицеров Генерального штаба во многие иностран-

---

¹⁷ ПСЗ. Собр. 1. Т. 32. № 24971. С. 45.

¹⁸ Алексеев М. Военная разведка ... С. 60.

ные государства в качестве военных атташе. Они официально и гласно представляли Россию и ее военное ведомство в стране аккредитации. А неофициально занимались сбором открытой и закрытой информации разведывательного и контрразведывательного характера в интересах безопасности своего государства.

В военно-морском флоте до 1885 г. руководство зарубежной разведкой возлагалось на Канцелярию Морского министерства, хотя сама по себе она не являлась «центральным разведывательным органом». Главный начальник флота и морского ведомства Российской империи – «генерал-адмирал» осуществлял от имени царя через Канцелярию управление зарубежными силами и средствами военно-морской разведки. В 1885 г. при реформе военно-морского управления был воссоздан Главный морской штаб (ГМШ), в структуре которого предусматривался Военно-морской отдел, ставший «первым центральным органом военно-морской разведки России»¹⁹.

В декабре 1900 г. функции Канцелярии ВУК были переданы от военного министерства в генерал-квартирмейстерскую часть Главного штаба, которой подчинялись вновь созданные Оперативное и Статистическое отделения. Последнее, в частности, стало осуществлять и руководство заграничной разведкой.

Первый специальный орган контрразведки в России

На рубеже нового и новейшего времени (в конце XIX – начале XX столетий) в большинстве европейских государств функции контрразведки начинают приобретать новое качество. Основной причиной тому стал всеобщий мировой и, в частности, европейский кризис, который привел в конечном итоге к Первой мировой войне.

Функция контрразведки начинает меняться с точки зрения временных, пространственных и иных аспектов и в конечном итоге становится самостоятельным видом государственной деятельности. А самостоятельный вид государственной деятельности на практике всегда облекается в форму соответствующего государственного органа. Любому государственному органу присущи определенные признаки, которые отличают его от других государственных структур. И только с появлением органа, отвечающего таким признакам, можно говорить об официальном зарождении того или иного самостоятельного вида государственной деятельности и о рождении соответствующего государственного органа. Методология определения признаков государственного органа является предметом исследования юридической науки – теории государства и права. Профессора Н. И. Матузов и А. В. Малько выделяют следующие основные признаки государственного органа: является самостоятельным элементом механизма государства; образован и действует на основе правового акта; выполняет свойственные только ему задачи и функции; наделен в этой связи властными полномочиями; состоит из государственных служащих и соответствующих подразделений; имеет материальную базу и финансовые средства²⁰. Впервые в России орган, который отвечал указанным выше признакам и на который возлагалась исключительно функция контрразведки, появился в 1903 г. Для этого были объективные военно-политические причины.

В конце XIX – начале XX вв. резко обостряются противоречия между империалистическими государствами, угроза войн становится реальностью.

Один из руководителей российской социал-демократии В. И. Ленин писал об этом времени: «Эпоха новейшего капитализма показывает нам, что между союзами капиталистов складываются известные отношения на почве экономического раздела мира, а рядом с этим, в связи с этим между политическими союзами, государствами, складываются известные отношения

---

¹⁹ Алексеев М. Военная разведка ... С. 82, 83.

²⁰ Матузов Н. Н., Малько А. В. Теория государства и права: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2005. С. 93.

на почве территориального раздела мира, борьбы за колонии, „борьбы за хозяйственную территорию“»²¹.

Россия, как и другие империалистические государства, не могла остаться в стороне от борьбы различных империалистических группировок между собой за передел рынков сбыта, источников сырья, за овладение новыми колониями и сферами политического и военного влияния. Международные отношения этого периода характеризуются невиданными до сих пор противоречиями, которые часто перерастали в военные столкновения. В военных конфликтах между империалистическими государствами огромная роль отводилась их армиям, которые в этот период претерпевают качественные изменения в связи с бурным развитием экономики капиталистических государств и научно-технического прогресса. В конечном итоге качественные усовершенствования в военной технике и вооружении, оказавшие существенное влияние на изменение военной стратегии и тактики, привели к возрастанию роли таких военных факторов, как внезапность, маневренность, мобильность, скрытность. В этих условиях противоборствующие стороны стремились: с одной стороны, всячески скрывать и маскировать от противника свои приготовления к войне, а с другой – любыми способами проникать в тайные замыслы своего врага. В связи с этим военный шпионаж получил в начале XX в. небывалое развитие и перестал, как прежде, носить нерегулярный характер, а сделался постоянным, систематическим, охватывая собою собирание самых различных сведений о состоянии вооруженных сил соседних государств.

Царское правительство в начале XX столетия, в связи с обострившейся внешнеполитической обстановкой, не могло не обратить внимания на возрастающую в условиях будущих войн опасность иностранного шпионажа. Особенно актуально это стало в связи с обострением русско-японских отношений на Дальнем Востоке. Японская разведка еще задолго до развязывания военных действий на Дальнем Востоке вела активную разведывательную деятельность против России с позиций различных территорий: в Европе, на Ближнем Востоке, в других регионах. При этом Япония пользовалась поддержкой некоторых иностранных держав (Германии, Турции, Англии). Как средство борьбы со шпионами, действовавшими под прикрытием иностранных посольств, в России предпринимается первая попытка создать специальный орган контрразведки.

Проект создания такого органа был изложен 20 января 1903 г. в докладе, подготовленном канцелярией ВУК Главного штаба и подписанном военным министром генерал-адъютантом А. Н. Куропаткиным. Составители данного проекта, обосновывая необходимость создания специального органа по борьбе с иностранным шпионажем, указывали: «Совершенствующееся с каждым годом состояние боевой подготовки армии, а равно предварительная разработка стратегических планов на первый период кампании приобретают действительное значение лишь в том случае, если они остаются тайною для предполагаемого противника, поэтому делом первостепенной важности является охранение этой тайны и обнаружение преступной деятельности лиц, выдающих ее иностранным правительствам»²². В связи с этим предлагалось учредить особый военный орган, ведающий розыском иностранных шпионов и изменников, и назвать этот орган «Разведочным отделением».

Как видим, основной целью «Разведочного отделения» являлось обеспечение сохранности военной тайны. Это должно было достигаться, по мнению Главного штаба, выполнением таких задач, как ведение наблюдения за деятельностью иностранных военных атташе в Санкт-Петербурге и вообще борьбой с военным шпионажем в этом городе и его окрестностях. Создание «Разведочного отделения» в Главном штабе, а не при Департаменте полиции, составители проекта мотивировали следующими причинами: во-первых, Департамент полиции имеет свои

---

²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 373.

²² РГВИА. Ф. 2000 с. Оп. 15 с. Д. 18. Л. 98.

задачи и не может уделить борьбе со шпионажем ни достаточных сил, ни средств; во-вторых, потому что в этом деле, касающемся исключительно военного ведомства, от исполнителей требуется полная и разносторонняя компетентность в военных вопросах.

Таким образом, Николай II, поставив 21 января 1903 г. на докладе военного министра свою резолюцию «Согласен», способствовал тому, что в Российском государстве при ВУК Главного штаба Военного министерства де-юре впервые создавался специальный общероссийский орган контрразведки²³ – «Разведочное отделение». Де-факто «Разведочное отделение» начало функционировать с конца июня 1903 г., и к концу года оно состояло из 13 штатных чинов и 9 нештатных сотрудников: начальника отделения, старшего наблюдательного агента, шести наружных наблюдателей, одного агента-посыльного, двух человек для собирания справок и сведений для установок, двух почтальонов и девяти сотрудников (внутренних агентов). Значительная часть личного состава «Разведочного отделения» ранее или служили в департаменте полиции и корпусе жандармов, или были как-то связаны с этими учреждениями. Во главе «Разведочного отделения» был поставлен бывший начальник тифлисского охранного отделения ротмистр Владимир Николаевич Лавров.

Кто же был этот руководитель первого органа контрразведки?

В. Н. Лавров, русский военный контрразведчик, родился в 1869 г. в Санкт-Петербурге в небогатой дворянской семье. В его послужном списке по-канцелярски сухо записано: «Не имеет недвижимого имущества, родового или благоприобретенного, ни он, ни его жена». На государственной службе он так и не разбогател, хотя и вышел на пенсию в начале 1914 г. в чине генерал-майора.

Военная биография будущего «охотника за шпионами» началась в сентябре 1888 г., когда Владимир Лавров на правах вольноопределяющегося 1-го разряда был зачислен юнкером во 2-е военное Константиновское училище. По его окончании, получив первый офицерский чин хорунжего, в августе 1890 г. он направляется для дальнейшего прохождения службы во 2-й конный полк Забайкальского казачьего войска, где дослужился до казачьего сотника. Решив поступить в академию, он занимается самообразованием. Через четыре года службы Лавров едет в Иркутск и при Штабе округа успешно сдает предварительные экзамены в Петербургскую военно-юридическую академию. Затем летом 1894 г. командировается в родной город для сдачи вступительных экзаменов. Однако, за неимением вакансии, возвращается в полк. Наверное, именно тогда у Лаврова окончательно созревает решение кардинально изменить свою судьбу – поступить на службу в Отдельный корпус жандармов.

Для небогатого офицера, к тому же имевшего склонность к правовым наукам, такое решение не кажется чем-то из ряда вон выходящим. В ноябре 1895 г. сотник Лавров получает приглашение прибыть для прохождения предварительных испытаний в Петербург в Штаб корпуса жандармов. Лавров успешно окончил курсы при штабе ОКЖ и перешел на службу в жандармерию. С 1897 г. проходил службу в Тифлисском губернском жандармском управлении, занимаясь организацией оперативно-розыскной работы. В начале 1901 г. Лаврова утвердили в должности помощника начальника ГЖУ в Тифлисском, Телавском и Сигнахском уездах. Служба его шла успешно, поскольку к лету 1902 г. на мундире ротмистра Лаврова поблескивали два ордена, российский – Св. Станислава 3-й степени и персидский «Льва и Солнца». Последний ему было «высочайше разрешено принять и носить».

С должности начальника Тифлисского охранного отделения по договоренности с министерством внутренних дел он был в 1903 г. переведен на службу в военное ведомство на долж-

---

²³ Яковлев Л. С. Контрразведка в системе обеспечения безопасности России (вторая половина XIX века – октябрь 1917 года). Монография. М.: ИМПЭ им. А. С. Грибоедова, 2008. С. 32–33; 87–89.

ность первого начальника Разведочного отделения Главного штаба. Назначение его было продуманным и логичным. Этого офицера знали в Военно-ученом комитете. Тифлисская охранка, возглавляемая Лавровым во взаимодействии с офицерами-разведчиками штаба Кавказского военного округа, активно вела борьбу с иностранным шпионажем в Закавказье – стратегическом регионе, привлекавшем внимание многих иностранных разведок²⁴.

Первые шаги Разведочного отделения

4 июня 1903 г. приказом по Отдельному корпусу жандармов Лавров был переведен в распоряжение начальника Главного штаба русской армии. Вместе с ним из Тифлиса в Петербург прибыли два наблюдательных агента – запасные сверхсрочные унтер-офицеры Александр Зацаринский и Анисим Исаенко, а впоследствии в составе Разведочного отделения стал работать и старший наблюдательный агент того же охранного отделения губернский секретарь Перешивкин²⁵.

Наличие представителей органов политического розыска в первом контрразведывательном органе России можно объяснить тем, что военное министерство не располагало специалистами, знакомыми с тайным розыском, без которого контрразведка просто немыслима.

Разведочное отделение с самого начала было задумано как негласное учреждение, так как считалось, что иначе терялся бы главный шанс на успешность его деятельности, именно тайна его существования.

Начальник Разведочного отделения пользовался довольно широкими правами в вопросах розыскной деятельности, связанной с разоблачением шпионов. Для неоднократного пересечения границы в служебных надобностях Лавров был снабжен заграничным паспортом, выданным Департаментом полиции. Он имел также специальное удостоверение, которое позволяло ему при задержании какого-либо лица обращаться к чинам наружной и охранной полиции об оказании ему необходимого содействия²⁶.

При невозможности воспользоваться услугами полиции начальник Разведочного отделения мог лично предъявить лицу, подозреваемому в шпионаже, обвинение в государственной измене и задержать его для помощи органам следствия и суда.

Несмотря на свою малочисленность, Разведочное отделение уже к концу 1903 г. наладило наблюдение за австро-венгерским, германским и японским военными агентами и за некоторыми служащими государственных учреждений, в отношении которых были получены сигналы об их преступной деятельности.

Через внутреннюю агентуру Разведочного отделения уже 22 декабря 1903 г. стало известно о подготовке к отъезду всей японской миссии из Петербурга, о чем было сообщено царю²⁷. Таким образом Разведочное отделение заблаговременно предоставило информацию для царского правительства о возможном военном нападении Японии на Россию; другое дело, что этой информации не придали должного значения.

26 декабря 1903 г. японский военный агент Акаши получил по городской почте письмо на русском языке загадочного содержания: «Буду на другой день, то же время. Ваш И.», о чем стало известно сотрудникам Разведочного отделения. Личность неизвестного была установлена. Им оказался исполняющий обязанности штаб-офицера по особым поручениям при Главном интенданте ротмистр Николай Иванович Ивков. Дальнейшим наблюдением было уста-

---

²⁴ См.: Разведка и контрразведка в лицах: Энциклопедический словарь российских спецслужб / Автор-сост. А. Диенко; Пред. В. Величко. М.: Русский мир, 2002. С. 276.

²⁵ РГВИА Ф. 400. Оп. 327 с. Д. 323. Л. 1–1 об.

²⁶ Там же. Д. 18 Л. 20.

²⁷ Там же. Д. 20. Л. 89.

новлено, что ротмистр Ивков контактирует и с французским военным агентом, полковником Мулэном, и еще с каким-то неизвестным лицом, которого он два раза поджидал на Варшавском вокзале.

26 февраля 1904 г. Ивкову в помещении Санкт-Петербургского охранного отделения было предъявлено обвинение в государственной измене²⁸.

Значение образования Разведочного отделения состояло в том, что по своим задачам это был первый контрразведывательный орган России, хотя и назывался он «разведочным»²⁹. Недостатком в организации Разведочного отделения являлось то, что оно было малочисленным, не имевшим периферийных органов, и районом деятельности его являлся в основном Петербург и его окрестности. Конспиративный, негласный характер существования отделения был выигрышным моментом только в самом начале деятельности этого органа при нанесении первого и неожиданного удара по подрывной работе иностранных военных агентов (атташе). Затем негласность положения обрекла Разведочное отделение на изолированность его от других государственных учреждений, участвовавших в борьбе со шпионами.

Японская разведка, предвидя, что с началом русско-японской войны шпионаж в самой России ей будет затруднен, стремилась заранее приобрести разведывательные позиции в других государствах (Китай, Австрия, Бельгия, Швеция, Румыния, Франция, Англия), в которых она могла бы получать сведения о военно-экономическом потенциале русских через посреднические связи. Так, упоминавшийся выше японский военный агент Акаши с началом русско-японской войны обоснуется на заранее подготовленных позициях в Стокгольме, где активно станет искать пути к развертыванию подрывной работы против России. И не без успеха для этих целей будет вербовать агентов среди политэмигрантов-националистов.

Так как само Разведочное отделение для борьбы с японским шпионажем за границей не располагало ни финансовыми, ни штатными возможностями, то для этих целей привлекались отдельные структуры Главного штаба: военные агенты (атташе) и подразделения генерал-квартирмейстерской части. В этом же направлении иногда использовалась Заграничная агентура Департамента полиции, а также находившиеся за границей некоторые подразделения МИД и Министерства финансов. Например, военный агент генерал Десино, находившийся во время войны в Шанхае, добывал сведения разведывательного и контрразведывательного характера для действующей армии и даже вербовал для нее агентов, направляя их в подчинение русским военачальникам. В июне 1905 г. Десино направил троих завербованных американцев-шпионов в распоряжение 1-й Маньчжурской армии с разведывательными и контрразведывательными заданиями³⁰.

Большими возможностями в проведении контрразведки накануне и в ходе русско-японской войны обладал департамент полиции. В середине 1904 г. в департамент поступили агентурные сведения о том, что Генеральный штаб Японии направил в район Черного моря 22 морских офицера, якобы для организации диверсий против русской Черноморской эскадры. Для проверки этих сведений департаментом полиции был командирован в Турцию подполковник Тржецяк (значился в департаменте полиции под псевдонимом Цитовский). Тржецяк организовал негласное агентурное наблюдение за японцами в Турции, Греции, Болгарии, Румынии и в районе Суэцкого канала. И хотя ему не удалось установить, что японские офицеры имели диверсионные задания, зато было сделано многое для изучения японского шпионажа в Турции и соседних с ней государствах³¹.

---

²⁸ Там же. Д. 109. Л. 13–14.

²⁹ Термин «контрразведка» стал употребляться в теории разведывательного искусства России немного позже, после окончания русско-японской войны.

³⁰ РГВИА. Ф. 846 с. Оп. 4 с. Д. 101. Л. 123–123 об.

³¹ Никитинский И. И., Софинов П. Г. Японский шпионаж в царской России. С. 183–186.

В 1904 г. Разведочное отделение столкнулось в своей работе с трудностями с той стороны, откуда меньше всего их следовало ожидать: с жесткой конкуренцией со стороны Департамента полиции. Ротмистру Лаврову и его отделению противостояли колоритные личности из департамента: чиновник особых поручений И. Ф. Манасевич-Мануйлов и ротмистр М. С. Комиссаров, назначенный к этому времени начальником спецподразделения ДП – «Совершенно секретного отделения дипломатической агентуры». Это подразделение было создано МВД для противодействия японскому шпионажу и разведкам других держав, симпатизировавших Японии в ее военном конфликте с Россией.

В мае 1904 г. агенты Лаврова, следившие за графиней Комаровской, подозреваемой в шпионаже, заметили организованное за ней параллельное наружное наблюдение. Неизвестные действовали весьма профессионально. Контрразведчики Лаврова решили прекратить наблюдение и доложить о случившемся. Как вскоре выяснилось, «перехватили» Комаровскую филеры тайной полиции. Лавров в своем отчете впоследствии напишет: «Когда факт отобрания состоялся, Департамент полиции объяснил его тем, что он устраивает свою небольшую организацию для наблюдения за морскими военными агентами ввиду оказания помощи адмиралу Рождественскому...» Аналогичные «накладки» в работе Разведочного отделения и секретного подразделения ДП МВД имели место и при разработке других лиц, подозреваемых в шпионаже. В отчете Лаврова по данным фактам было записано: «Возможность повторения подобных случаев, совершенно очевидно парализующих работу Отделения, вызвала необходимость обсудить положение дел, вследствие чего 8 июня и последовало особое по сему поводу совещание». На нем представители ДП предложили устранить образовавшуюся двойственность и объединить усилия подразделения Лаврова с контрразведкой тайной полиции, – «но только на таких началах, – пишет Лавров, – которые неминуемо должны были бы привести к передаче Разведочного отделения и всего дела в ведение названного Департамента». Ротмистр Лавров, ссылаясь на установки руководства Главного штаба, от этого решительно отказался. Тогда пошли на компромисс и разграничили сферу деятельности, установив, что Разведочное отделение занимается наблюдением за «сухопутными» военными агентами, а Департамент полиции – за морскими. Однако данное решение осталось на бумаге. ДП имел бюрократическое преимущество – поддержка шефа жандармов, министра внутренних дел Плеве, а также мощь всего аппарата общей и тайной полиции. Предвидя дальнейшее осложнение ситуации, военное руководство Лаврова пошло на своеобразный маневр. Чтобы вывести его из-под подчинения Штабу корпуса жандармов, которому по административной линии он формально подчинялся, Лавров Высочайшим приказом от 17 июля как офицер ОКЖ был уволен в запас. Одновременно подготовили документы к возвращению его на военную службу, но уже не в Корпус жандармов, а в распоряжение Главного штаба, что и было сделано приказом императора от 14 августа 1904 г.

Организация контрразведки во время русско-японской войны

На Дальневосточном театре во время войны с Японией правовое регулирование борьбы со шпионажем и сама организация русской военной контрразведки имели некоторые особенности. Еще в мирное время с учреждением на Дальнем Востоке из Приамурского генерал-губернаторства и Квантунской области Особого наместничества³² при последнем был создан Временный военный штаб. Разведывательное отделение этого штаба в качестве одной из обязанностей должно было осуществлять борьбу со шпионажем. С началом военных действий в русской армии вступило в силу «Положение о полевом управлении войск в военное время», которым не было предусмотрено создание какого-либо специального органа по веде-

---

³² Высочайший указ от 30 июля 1903 г., ст. 1–4 // ПСЗ. Собр. 3. Т. 23.

нию контрразведки. Этот факт дал в свое время повод некоторым исследователям заявить, что русская контрразведка в войне 1904–1905 гг. себя почти никак не проявила. Думается, что это излишне негативная оценка, связанная с общими военными и политическими неудачами в ходе данной войны.

Условно всю борьбу с японской разведкой на театре военных действий (ТВД) можно подразделить на два основных направления: борьба со шпионажем в действующей армии и в ее тылу.

Борьба с подрывной деятельностью японской разведки в действующей армии приобретает наиболее четкие организационные формы с октября 1904 г., когда все сухопутные войска на дальневосточном театре были разделены на три отдельные маньчжурские армии.

Общее руководство контрразведкой в действующей армии стало осуществляться штабом главнокомандующего всеми сухопутными и морскими силами на Дальнем Востоке. По свидетельству архивных материалов³³, в данном штабе за борьбу с иностранным шпионажем на театре военных действий отвечало разведывательное отделение управления генерал-квартирмейстера. Этот орган не был чисто контрразведывательным. Его основной задачей являлось руководство и осуществление войсковой и агентурной разведки. В то же время разведывательное отделение управления генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего проводило значительную работу и по линии контрразведки. Оно занималось обобщением и анализом особенностей подрывной деятельности японских спецслужб и вырабатывало для штабов армий соответствующие циркулярные указания, рекомендации и инструкции по борьбе с противником. Так, в июне 1905 г. штабом главнокомандующего была направлена в штабы армий инструкция для агентов-резидентов, занимавшихся контрразведкой против Японии³⁴.

Штабы армий являлись нижестоящим, по сравнению со штабом главнокомандующего, звеном организации контрразведки в действующей армии на дальневосточном театре военных действий. При каждом штабе армии Положением о полевом управлении войск в военное время предусматривалось создание для ведения агентурной разведки и контрразведки разведывательного отделения управления генерал-квартирмейстера. Постановка контрразведки в армиях показана К. К. Звонаревым на примере III армии.

Основным элементом контрразведки в армии являлись агенты-резиденты, которые располагались в больших населенных пунктах на важных дорогах. Они вели контрразведку в ближайшей прифронтовой полосе. При отходе русских войск агенты-резиденты оставались на этой территории и уже выполняли функции разведки, сообщая о передвижениях японских войск. Агенты-резиденты осуществляли контрразведку через осведомителей, которые добывали первичную информацию о японских шпионах. К проведению контрразведки привлекались также и агенты-ходоки. В штабе III армии с мая по август 1905 г. работали в интересах контрразведки 21 агент-резидент и 46 агентов-ходоков.

Контрразведка в I и II армиях в общих чертах была такой же, как и в III армии.

Низшим звеном организации контрразведки в действующей армии, как об этом свидетельствует опыт русско-японской войны, являлись штабы корпусов, дивизий и некоторых частей.

В корпусах и дивизиях за организацию контрразведывательной работы отвечали непосредственно сами начальники штабов, а в частях – их коменданты. Начальники штабов соединений и тем более коменданты штабов частей не располагали, согласно утвержденному штату, какими-либо подразделениями, которые бы специально занимались борьбой с иностранным шпионажем. Эту работу указанные выше лица должны были проводить, в буквальном смысле слова, собственными силами, являясь одновременно и организаторами и исполнителями дан-

---

³³ РГВИА. Ф. 846 с. Оп. 4 с. Д. 101. Л. 90, 166–166 об.

³⁴ Там же. Л. 96, 97.

ного рода деятельности. Однако по инициативе наиболее предприимчивых начальников корпусов и отдельных отрядов и с ведома вышестоящего военного начальства в некоторых соединениях (корпусах и отдельных отрядах) создавались «бюро» по борьбе со шпионажем. Во главе этих органов были поставлены офицеры Генерального штаба или военноопределяющиеся – бывшие студенты института восточных языков. Агентурная сеть некоторых «бюро» по своей численности и качеству не уступала агентуре штабов армий.

Несколько обособленно от организации борьбы с японским шпионажем в действующей армии строилась контрразведка в тылу русской армии, где этой деятельностью занимались отдельные должностные лица и подразделения самых разных ведомств, среди которых в первую очередь необходимо иметь в виду армейских должностных лиц. В армии за борьбу со шпионажем в ее тылу несли ответственность начальник управления транспортов штаба главнокомандующего и разведывательные отделения штаба начальника тыла, а также начальник этапов³⁵ главнокомандующего. Кроме того, контрразведку в тылу армии вели аппарат самого наместника Дальнего Востока, разведывательные отделения военных комиссаров трех провинций Маньчжурии (Гиренской, Мукденской и Хейлудзянской), отчетное и разведывательное отделения штаба обороны Приморской области, охранные отделения департамента полиции и жандармско-полицейские подразделения на Китайской восточной железной дороге³⁶. Большую контрразведывательную работу в тылу проводили подразделения пограничной охраны, в частности, разведывательное отделение Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи.

Степень участия всех перечисленных выше ведомств в контрразведке была различной и во многом зависела от энтузиазма лиц, которые непосредственно вели борьбу с подрывной деятельностью иностранных разведок. Значительных результатов, например, в деле организации контрразведки достигли начальник управления транспортов генерал Н. А. Ухач-Огорович и военный комиссар Мукденской провинции полковник М. Ф. Квецинский.

Ухач-Огорович для руководства агентами привлек Ивана Персица, опытного сыщика, служившего ранее в различных сыскных органах. К июню 1905 г. штат службы Ухач-Огоровича состоял из одного офицера, одного писаря, одного переводчика и примерно из 100 человек агентов, из которых 60 были постоянными, а 40 работали сдельно.

Заслуга мукденского военного комиссара в деле борьбы с японским шпионажем заключалась в том, что он сумел организовать и открыть школу по подготовке агентов-ходоков, с появлением которых заметно улучшилось ведение разведки и контрразведки в интересах русской армии.

Подводя общий итог организации контрразведки в России в начале XX в., необходимо признать, что усиленное ее развитие в данный период было вызвано в первую очередь причинами военного характера, в частности, опасностью возможных военных конфликтов России с другими враждебными государствами. Это заставило Россию пойти на принятие некоторых мер безопасности, которые развивались в основном в направлении, соответствовавшем интересам русской военной оборонческой доктрины.

Русско-японская война 1904–1905 гг. явилась следующим шагом на пути развития в России контрразведывательной службы, но уже применительно к условиям военного времени. Практика организации и ведения боевых действий на Дальнем Востоке убедила командование русской армии в необходимости заниматься контрразведкой во всех основных звеньях армейской системы. Такими звеньями являлись: штаб главнокомандующего всеми сухопут-

---

³⁵ Основной обязанностью службы начальника этапов являлось конвоирование в тыловые районы военнопленных и подозрительных лиц, задержанных в расположении боевых частей.

³⁶ Временное жандармское полицейское управление на Китайской восточной железной дороге было образовано согласно приказу по отдельному корпусу жандармов за № 67 от 7 июля 1904 г. См.: ГАРФ. Ф. 162 ДП. 1-е д-во, 1904. Д. 134. Л. 20–20 об.

ными и морскими вооруженными силами на Дальнем Востоке, штабы армий, корпусов, дивизий, отдельных отрядов и частей.

Контрразведка в тылу русской армии на дальневосточном ТВД представляла из себя деятельность различных ведомств, почти полностью разрозненных между собой и не связанных тесным взаимодействием с контрразведкой самой действующей армии.

Разрозненность, как болезнь контрразведывательной деятельности, была характерна не только для дальневосточного театра военных действий, но и для русской контрразведки в целом, где бы она ни проводилась. Этот недостаток был вполне закономерен, так как шел процесс организационного поиска в строительстве контрразведывательной службы России.

Основные силы военной контрразведки России в 1904–1905 гг. концентрировались на Дальнем Востоке, в то время как главным направлением деятельности агентуры Департамента полиции являлась Западная Европа. Отдельные контрразведывательные операции русской контрразведкой проводились и на территории самой России, и в областях, граничивших с театром военных действий (Китай, Гонконг, Корея, Сингапур, Япония), а также в странах Западной Европы, на Балканах и на севере Африки.

Военные агенты (атташе) полковник Ф. Е. Огородников в Пекине, генерал К. Н. Десино в Шанхае и их помощники капитаны А. Е. Едрихин, барон С.В. фон дер Ховен, Афанасьев обслуживали в разведывательном и контрразведывательном отношениях в дальневосточном регионе главным образом действующую армию и получали инструкции из штаба наместника на Дальнем Востоке, а после его упразднения – в штабе главнокомандующего.

Разведку и контрразведку на Дальнем Востоке проводили также и другие российские ведомства, находившиеся в годы войны в Китае. По линии МИД – посол П. М. Лессар, консулы К. В. Клейменов, Х. П. Кристи, Н. В. Лаптев, П. Г. Тидеман и выполнявший специальную миссию в Шанхае А. И. Павлов. По линии Министерства финансов такую работу проводили: член правления Русско-Китайского банка Л. Ф. Давыдов и коллежский советник Н. А. Распопов³⁷.

Оценивая опыт организации русской контрразведки накануне и в ходе русско-японской войны, царскому правительству следовало бы признать этот опыт заслуживающим определенного внимания. В военном ведомстве России впервые в условиях локальной империалистической войны были предприняты попытки постановки контрразведывательной деятельности в таком широком масштабе. В организации этой деятельности трудно было избежать недостатков, главным среди которых, на наш взгляд, являлась разобщенность органов в борьбе с подрывной деятельностью противника. Но, как нам представляется, наличие недостатков должно было бы еще в большей мере продиктовать необходимость изучить первый опыт организации контрразведки в условиях войны, выявить и обобщить имевшие место ошибки и сделать соответствующие выводы на будущее. Но руководство России не сумело дать правильной оценки всему тому положительному, что было выработано в организации контрразведки в ходе русско-японской военной кампании. Не были проанализированы и имевшиеся недостатки в этой деятельности, с тем чтобы и в будущем более эффективно использовать приобретенный опыт в борьбе с иностранными разведками.

Забегая несколько вперед, отметим, что только лишь в ходе Первой мировой войны, в 1915 г., руководство военного ведомства России обратилось к опыту постановки контрразведки в 1904–1905 гг. с целью использования его в новой войне. В частности, это нашло свое отражение в подходе к выработке системы органов контрразведки на театре военных действий.

После окончания русско-японской войны и перевода армии на мирное положение органы, отвечавшие за борьбу со шпионажем на театре военных действий, были упразднены.

Единственный орган контрразведки сохранился только в столице, в Петербурге, и это было Разведочное отделение, перешедшее в подчинение Главного управления Генераль-

---

³⁷ Павлов Д.Б. Российская контрразведка в годы русско-японской войны // Отечественная история. 1996. № 1. С. 14.

ного штаба (ГУГШ). В преддверии готовящейся мировой войны работа контрразведывательного подразделения ГУГШа активизировалась. Его сотрудники под руководством полковника В. Н. Лаврова добились существенных результатов в борьбе с военным шпионажем в столице. Венцом его работы на посту начальника Разведочного отделения стало разоблачение шпионской деятельности агента австро-венгерской разведки барона Унгерн-Штернберга. Его «куратор» – военный атташе граф Спанноки был выдворен из страны. В августе 1910 г. В. Н. Лавров, представленный за отличия в службе к правительственной награде, сдал дела своему преемнику подполковнику Отдельного корпуса жандармов В. А. Ерандакову. До начала Первой мировой войны оставалось ровно четыре года.

Деятельность иностранных разведок друг против друга приобретает в этот период повсеместный тотальный характер, и Россия, как никакое другое государство, ощутила это на себе. Встал вопрос о необходимости придания организации контрразведки системного характера. Первые шаги в этом направлении были предприняты на рубеже XIX–XX вв. При штабах Петербургского, Виленского, Варшавского, Киевского, Одесского, Московского, Кавказского, Туркестанского военных округов и Приамурского и Заамурского округов пограничной стражи существовали предусмотренные военными штатами еще в начале XX в. отчетные отделения, главной задачей которых была разведка. На отчетные отделения была возложена обязанность и контрразведки. В июне-августе 1906 г. в штабах военных округов, сначала припограничных, стали формироваться разведывательные отделения. На первых порах они иногда были нештатными. К вновь сформированным отделениям перешли и функции по организации борьбы со шпионажем.

Однако во внутренних военных округах вопросами борьбы со шпионажем продолжали ведать отчетные и строевые отделения³⁸. Каждый военный округ, как правило, занимал территорию нескольких губерний. Малочисленные по своим штатам перечисленные выше органы военных округов не могли на всей занимаемой ими территории успешно бороться со шпионажем. В связи с этим обязанность по борьбе со шпионами в этот период по-прежнему пытались возлагать на органы МВД. Но так как полиция и жандармерия своими основными задачами считали политический сыск, а в деле военной контрразведки были не совсем компетентны, то иностранный шпионаж в России опять оставался часто занятием безнаказанным.

Такое состояние борьбы со шпионажем в России очень тревожило высших военных чиновников. Так, например, начальник Генерального штаба в своем отношении от 11 января 1907 г. отметил неудовлетворительную работу жандармской полиции по осуществлению надзора за иностранцами, путешествующими по России с разведывательными целями. Здесь же начальник Генерального штаба приказал возложить эти обязанности на воинских начальников, отвечавших за передвижение войск. Но это приказание не было в дальнейшем подкреплено никакими дополнительными материальными и организационными мерами, поэтому решение данной проблемы с места не сдвинулось. Это было признано и самим управлением военных сообщений, отвечавшим за выполнение данного приказа. В частности, в докладе на имя начальника Генерального штаба в апреле 1909 г. сообщалось, что двухлетний опыт наблюдения за иностранцами положительных результатов не дал: не хватало денег, служащие и чиновники по передвижению войск могли наблюдать за иностранцами только на своих участках, не было своей агентуры и в принципе наблюдение осуществлялось через жандармов, то есть как и ранее³⁹. В связи с этим было решено вновь сделать жандармерию ответственной за осуществление контрразведки на транспорте и вернуться, таким образом, к тому, от чего отказались два года назад.

---

³⁸ В Иркутском военном округе отчетное отделение, согласно датируемым архивным документам, существовало еще в июне 1907 г.

³⁹ РГВИА. Ф. 20000. Оп. 15 с. Д. 93. Л. 23–23 об.

На Дальнем Востоке Военное министерство пыталось усилить дело контрразведки за счет подразделений отдельного корпуса пограничной стражи, но успеха это также не имело.

Возрастание в Европе удельного веса Германии подстегнуло гонку вооружений и обострило противоречия между Антантой и Тройственным союзом. В сложившейся внешнеполитической обстановке Россия занимала особое положение. К ней было приковано повышенное внимание разведывательных служб как потенциальных противников, так и союзников. Активность иностранных разведок потребовала принятия срочных мер по защите секретов, в первую очередь военных.

На повестке дня встал вопрос о создании качественно новой службы – системы органов отечественной контрразведки.

От органа контрразведки к системе контрразведки в России

Министерства и ведомства царской России, имевшие отношение к борьбе со шпионажем, начинают предпринимать попытки к поиску путей более эффективной организации контрразведывательной службы.

Первым начало принимать соответствующие меры армейское командование. В 1908 г. во время киевского съезда старших адъютантов разведывательных отделений штабов военных округов была выработана общая система организации контрразведки в мирное время. Согласно этой системе, контршпионажем должны были заниматься чины отдельного корпуса жандармов и пограничной стражи под общим руководством старших адъютантов разведывательных отделений штабов военных округов. Координацию их деятельности предполагалось возложить на 5-е делопроизводство ГУГШ. Эти предложения легли в основу проекта «Инструкции по контрразведке», составленной офицерами Генштаба. Начальник Генерального штаба Ф. Ф. Палицын обратился с письмом в МВД, в котором предлагал порядок координации деятельности всех заинтересованных ведомств. П. А. Столыпин, занимавший должности председателя Совета министров России, министра внутренних дел и шефа жандармов, согласился с необходимостью ликвидации «пустот» в сфере безопасности, но вместе с тем отверг предложение военных о возложении «исполнительных функций всецело на жандармские и полицейские учреждения» при руководящей роли штабов военных округов. Он отмечал, что *«контрразведка, в сущности, является лишь одной из отраслей политического розыска»* (на наш взгляд, достаточно спорное утверждение. – Л.Я.). Кроме того, по мнению П. А. Столыпина, в штабах военных округов не было квалифицированных кадров, знающих достаточно хорошо «техническую сторону розыска». С точки зрения премьера, эффективное взаимодействие с военными могли бы осуществлять районные охранные отделения. Что же касается финансирования контрразведывательной деятельности, то, по его мнению, расходы розыскных учреждений МВД на наем специальных агентов должно нести военное ведомство.

Ф. Ф. Палицын

Руководители армии согласились с предложениями Столыпина и делегировали своих представителей для участия в работе комиссии, которая была создана 10 декабря 1908 г. под председательством директора Департамента полиции действительного статского советника М. И. Трусевича. В нее вошли исполняющий обязанности вице-директора ДП МВД коллежский советник С. Е. Виссарионов, заведующий особым отделом департамента полковник Е. К. Климович и состоящий при особом отделе подполковник В. А. Беклимишев. Интересы военного ведомства представляли полковник Генерального штаба Н. А. Монкевиц – делопроизводитель Разведывательного отделения, его помощник капитан С. Л. Марков и отвечавший за разведработу в штабе Киевского военного округа старший адъютант Разведывательного отделения полковник А. А. Самойло. Морское ведомство делегировало начальника иностранной части Морского Генштаба капитана II ранга Б. И. Доливо-Добровольского⁴⁰.

---

⁴⁰ РГИА. Ф. 6 с./102. Д. 282. Л. 156169. Стеклографический экземпляр.

С этого момента в истории контрразведки начинается этап по созданию системы специальных органов контрразведки и выработке их статуса. Работа по поиску путей формирования системы контрразведки заняла около трех лет.

28 марта 1909 г. комиссия собралась на межведомственное совещание. На этом совещании были рассмотрены материалы, характеризующие огромные размеры шпионской деятельности в России разведок Австро-Венгрии, Германии, Японии и других государств, а также методы и способы получения ими секретных сведений. Комиссия в ходе своей работы впервые выработала определение контрразведки как вида деятельности. «Контрразведка (борьба со шпионством), – по мнению этой комиссии, – заключается в своевременном обнаружении лиц, занимающихся разведкой для иностранных государств, и в принятии вообще мер для воспрепятствования разведывательной работе этих государств в России. Конечная цель контрразведки есть привлечение к судебной ответственности уличенных в военном шпионаже лиц на основании ст. 108–119 Угол. уложения 1903 г. или прекращение вредной деятельности названных лиц хотя бы административными мерами»⁴¹.

Комиссия выработала четыре варианта организации контрразведывательной службы: 1-й – контрразведывательное отделение (КРО) состоит в непосредственном ведении военного командования, а органы Департамента полиции оказывают содействие и помощь; 2-й – контрразведка возлагается на охранные отделения под руководством ДП МВД; 3-й – КРО одновременно подчиняется и штабу военного округа, и охранному отделению; 4-й – КРО учреждается отдельно от охранных отделений и подчиняется ДП⁴². Было принято решение остановиться на 4-м варианте.

Отдав предпочтение этому проекту, совещание тем самым отступило от принципа, который был положен в основу организации Разведочного отделения в 1903 г., то есть образование органов контрразведки при военном ведомстве. Межведомственное совещание здесь допустило ошибку, и это застопорило на некоторое время создание специальных органов контрразведки России.

К середине 1909 г. предполагалось создать: два контрразведывательных отделения в Петербурге, по одному – в Варшаве, Киеве, Вильно, Иркутске и Владивостоке. Содержание этих отделений должно было обходиться казне в 251 520 руб. в год⁴³. Эта сумма, по логике, должна была стать добавкой к тому, что выделялось ежегодно в 1906–1909 гг. на секретные расходы (разведку) ГУГШ (344 160 руб. в год). Однако денег у правительства не нашлось ни в 1909, ни в 1910 гг. Поэтому все планы по совершенствованию контрразведки пришлось отложить на неопределенный срок. М. И. Трусевич вскоре был смещен со своей должности, и фактическое руководство русской тайной полицией перешло в руки генерал-лейтенанта П. Г. Курлова – товарища министра внутренних дел и командира Отдельного корпуса жандармов.

28 марта 1909 г., как говорилось выше, состоялось заседание межведомственной комиссии, на котором было выработано «Положение о контрразведывательных отделениях» и «Правила для словесного наставления лиц, руководящих контрразведкой». Однако дальше дело не пошло, и на следующем заседании в марте 1910 г. комиссия признала, что: «Дело организации органов контрразведки, в том числе установление негласного надзора за путями тайной разведки иностранных государств против Российской империи, должным образом не налажено. Функции контрразведывательных органов в настоящее время используются разрозненно, отчасти чинами корпуса жандармов, отчасти ГУГШ, отчасти Морского Генерального штаба (МГШ), а также разведывательными отделениями штабов округов. В связи с этим, с целью усиления мер борьбы с военным и военно-морским шпионажем против Российской

---

⁴¹ РГВИА. Ф. 2000 с. Оп. 15 с. Д. 92. Л. 7.

⁴² ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. Оп. 316. Д. 356. Л. 135 об – 136.

⁴³ РГВИА. Ф. 2000 с. Оп. 15 с. Д. 92. Л. 13.

империи, введения единоначалия и повышения эффективности органов контрразведки, межведомственная комиссия предлагает соответствующим министерствам и главным штабам этих министерств приступить к разработке и созданию единого органа, который взял бы на себя единолично функцию контрразведки, охраны военных секретов и безопасности Российской империи»⁴⁴.

29 июля 1910 г. под председательством генерал-лейтенанта П. Г. Курлова вновь состоялось заседание комиссии при МВД, которая рассмотрела вопрос организации контрразведывательной службы. Ознакомив присутствующих представителей ГШ и МГШ с журналом заседаний межведомственной комиссии в 1909 г., председатель высказался против учреждения контрразведывательных отделений по схеме № 4. Заявление свое он мотивировал тем, что Департамент полиции не обладает специальными знаниями организации русской и иностранных армий и вследствие этого не может эффективно руководить контрразведывательной службой. Курлов предложил наметить организацию контрразведывательных отделений при военно-окружных штабах, но с тем условием, что для руководства ими будут откомандированы офицеры отдельного корпуса жандармов, знакомые с делом розыска и имеющие полномочия по производству обысков и арестов. Таким образом, органы Департамента полиции должны были тесно взаимодействовать с контрразведкой и оказывать ей всяческую помощь. Это предложение было принято членами межведомственной комиссии как очередная рабочая версия.

Следуя решению комиссии от 29 июля 1910 г., Генеральный штаб по согласованию с министерствами внутренних и иностранных дел стал прорабатывать систему организации самостоятельных контрразведывательных отделений в структуре вооруженных сил. По этой схеме в военном ведомстве должны были быть образованы: Петроградское городское, Петроградское окружное, Московское, Виленское, Одесское, Варшавское, Киевское, Тифлисское, Ташкентское, Иркутское и Хабаровское контрразведывательные отделения (бюро). Таким образом, на территории империи учреждалось 11 КРО. Районы деятельности трех отделений не совпадали с территориями округов, при штабах которых они создавались. Одесское отделение должно было действовать в пределах Одесского военного округа и войска Донского, Московское – в районах Московского и Казанского военных округов, Иркутское – на территории Омского и Иркутского округов.

Рассматривая материалы межведомственных совещаний, автор обратил внимание на отсутствие в них какого-либо упоминания о Разведочном отделении ГУГШ. Более того, с молчаливого согласия полковника Монкевица, представлявшего на совещаниях интересы Генерального штаба, комиссия констатировала в своих протоколах, что к моменту ее работы (1908–1910 гг.) в России вообще не существовало какого-либо специального контрразведывательного органа.

Автор не может согласиться с этим утверждением, согласно которому следует, что организация и деятельность Разведочного отделения не были связаны с образованной в 1911 г. системой контрразведывательных органов. Несостоятельность подобного утверждения может быть раскрыта, если доказать что Разведочное отделение было образовано и действовало как контрразведывательный орган, тесно связанный с последующим развитием контрразведки в России. Кроме того, необходимо показать также причины замалчивания на совещаниях факта существования Разведочного отделения.

Однако образованное Разведочное отделение было первым специальным органом контрразведки. Нетрудно доказать, что такую же оценку данному органу давали и представители самого военного ведомства царской России. Для этого достаточно сослаться на «Выписку из отчета Главного управления Генерального штаба за 1906–1907 гг. о контрразведывательной деятельности управления». Отчет был составлен по результатам деятельности Разведочного

---

⁴⁴ ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. Оп. 316. Д. 356. Л. 138.

отделения⁴⁵. Значит, по мнению ГУГШ, Разведочное отделение занималось контрразведывательной деятельностью, а другие задачи на это отделение, согласно проекту об его образовании, на него и не возлагались. Еще раньше, в 1905 г., руководство Главного штаба считало, что после окончания русско-японской войны деятельность Разведочного отделения не будет ограничиваться только территорией Петербургского военного округа, а распространится и на другие округа империи. Забегая немного вперед, отметим, что созданные в военных округах в 1911 г. контрразведывательные органы были тождественны с Разведочным отделением как по принципам их комплектования, так и по принципам их внутренней организации и самой контрразведывательной деятельности. На базе самого Разведочного отделения, по свидетельству архивных материалов, было создано Петербургское городское контрразведывательное отделение. Имеется, например, прямое указание на то, что Петербургское городское контрразведывательное отделение существовало с 1903 г., называлось оно сначала «разведочным отделением» и что 9 августа 1910 г. начальник Разведочного отделения полковник Лавров передал дела по описи полковнику Ерандакову – будущему начальнику Петербургского городского контрразведывательного отделения.

13 августа 1910 г. полковник Лавров за заслуги по руководству Разведочным отделением в «ведении наблюдения за деятельностью иностранных военных атташе в С. Петербурге и по борьбе с военным шпионством в этом городе и его окрестностях» был представлен к правительственной награде. Представление на награждение Лаврова было подготовлено в 5-м делопроизводстве части 1-го обер-квартирмейстера управления генерал-квартирмейстера ГУГШ. Начальник 5-го делопроизводства полковник Монкевиц присутствовал на всех межведомственных совещаниях 1909–1910 гг., но о роли Разведочного отделения как специального органа контрразведки он на этих совещаниях не упоминает. В связи с этим можно сделать вывод, что полковнику Монкевицу были даны указания от ГУГШ не только не афишировать, но и вообще не упоминать о Разведочном отделении.

Одной из причин замалчивания существования Разведочного отделения как органа контрразведки бесспорно могло являться то, что при его образовании в 1903 году в докладной записке, представленной А. Н. Куропаткиным Николаю II, была обоснована необходимость засекретить сам факт его создания. Так, в записке говорилось: «Официальное учреждение сего отделения представлялось бы неудобным в том отношении, что при этом теряется главный шанс на успех его деятельности, именно тайна его существования»⁴⁶

Но, вероятно, могла быть и другая причина замалчивания. В частности, Генеральному штабу, ввиду подготовки царским правительством проекта закона «Об отпуске из государственной казны средств на секретные расходы Военного министерства», выгодно было представить дело таким образом, что контрразведку предстоит создавать в условиях полнейшей ее неорганизованности (на чистом месте). В таком случае легче было заполучить от государственной казны желаемую сумму. Отсутствие до этого специального кредита на контрразведку заметно сдерживало работу Разведочного отделения, которое существовало исключительно за счет внутренних резервов ГУГШ.

---

⁴⁵ Никитинский И. И. Из истории русской контрразведки. С. 37–39.

⁴⁶ РГВИА. Ф. 2000 с. Оп. 15 с. Д. 18. Л. 99.

А. Н. Куропаткин

То, что с августа 1910 г. до апреля 1911 г. в архивах не удалось обнаружить ни одного документа о деятельности Разведочного отделения, думается, тоже не случайно. По всей вероятности, Генеральный штаб решил до выхода закона об ассигнованиях на секретные расходы временно не оставлять никаких документов о деятельности Разведочного отделения, с тем чтобы после принятия закона преобразовать его в более мощный контрразведывательный орган. И действительно, Петербургское городское контрразведывательное отделение, созданное впоследствии на базе Разведочного отделения, превосходило последнее по своей численности в 2 раза, а по ассигнованиям на его нужды – в 3,5 раза. Это стало возможным благодаря принятому 7 апреля 1911 г. закону «Об отпуске из государственной казны средств на секретные расходы Военного министерства»⁴⁷, согласно которому на разведку и контрразведку выделялось дополнительно 1 443 720 руб.⁴⁸

---

⁴⁷ ПСЗ. Т. 31. Отд. 1. 7 апреля 1911 г. № 35018.

⁴⁸ Эта сумма примерно в 3 раза превосходила ранее выделяемые денежные средства на секретные расходы военному ведомству. См.: *Звонарев К. К. Указ. соч. С. 64.*

Независимо от значимости обозначенных выше причин замалчивания существования Разведочного отделения бесспорным фактом остается то, что это был реально существовавший первый орган контрразведки, хотя и строго засекреченный, в силу чего о его существовании знал очень ограниченный круг людей даже среди сотрудников ГУГШ. А если взять во внимание, что и сам термин «контрразведка» среди специалистов стал употребляться только после создания контрразведывательных отделений (КРО) в 1911 г., то становится понятным, почему в советской историографии долгое время, вплоть до начала 80-х гг. XX столетия, существовала точка зрения о том, что датой образования отечественной контрразведки как государственной структуры следует считать именно 1911 г., когда было принято Положение о контрразведывательных отделениях. Данной точки зрения, в частности, придерживался и известный советский деятель органов государственной безопасности, специалист в области исследования истории разведки и контрразведки царской России генерал-майор Иосиф Илларионович Никитинский.

На наш взгляд, такое утверждение не вписывается в методологию определения статуса государственных структур на стадии их становления и развития. Разведочное отделение, с точки зрения общей теории государства, как об этом уже говорилось выше, уже в 1903 году обладало всеми признаками государственного органа. А в 1911 г. государственная организация российской контрразведки приобретает новое качество: в соответствии с «Положением о контрразведывательных отделениях» создается система органов контрразведки.

Создание системы контрразведки по Положению 1911 г.

«Положение о контрразведывательных отделениях» с приложениями: 1) ведомость районов деятельности КРО; 2) штаты КРО; 3) инструкция начальникам КРО; 4) правила регистрации КРО; 5) инструкция начальникам КРО по расходованию сумм и ведению отчетности – было утверждено 8 июня 1911 г. военным министром В. А. Сухомлиновым.

Перед органами контрразведки ставилась цель защищать интересы обороны империи от иностранного «военного шпионства».

На КРО были возложены обязанности по борьбе с деятельностью иностранных разведок, направленной на подготовку в России вооруженных восстаний; создание военных формирований из пограничного инородческого населения; выведение из строя искусственных сооружений; сбор среди неблагонадежного населения империи денежных средств на военные надобности иностранных государств. КРО должны были также расследовать забастовки и стачки на заводах военного и морского ведомств, если они подготавливались иностранными разведками, и выявлять каналы связи разведок со своей агентурой.

В структуре военной контрразведки России по «Положению» 1911 г. предусматривался центральный орган контрразведки и местные КРО.

Руководство всеми этими органами контрразведки осуществлял отдел генерал-квартирмейстера ГУГШ, подчинявшийся непосредственно начальнику Генерального штаба. Все делопроизводство по контрразведывательным отделениям и переписка по вопросам о борьбе с военным шпионажем сосредоточивались в особом делопроизводстве отдела генерал-квартирмейстера Генерального штаба. Особое делопроизводство являлось также связующим органом между отделом генерал-квартирмейстера ГУГШ и местными КРО. Согласно второму параграфу «Положения», при особом делопроизводстве ГУГШ для ведения переписки, организации регистрации шпионов и оказания помощи делопроизводителю особого делопроизводства ГУГШ образовывался центральный регистрационный орган. Этот орган создан 1 ноября 1911 г., и во главе его поставлен подполковник отдельного корпуса жандармов Якубов. В литературе и архивных материалах встречаются самые различные названия этого органа: Центральный регистрационный орган, Центральное регистрационное бюро, Регистрационное бюро, Регистрационное отделение особого делопроизводства ГУГШ (РООД ГУГШ).

Центральное место по решаемым задачам среди создаваемых контрразведывательных органов отводилось Петербургскому городскому КРО, подчинявшемуся отделу генерал-квартирмейстера ГУГШ.

Проследивая далее историю развития Петербургского городского КРО, мы увидим, что в апреле 1914 г. оно было объединено с Регистрационным отделением особого делопроизводства ГУГШ под общим руководством Петербургского КРО. В результате объединения этих двух органов образовано Контрразведывательное отделение ГУГШ (КРО ГУГШ).

Основу системы военной контрразведки по «Положению» 1911 г. составляли местные КРО, которые образовывались при десяти штабах военных округов. Это были Петербургское, Московское, Виленское, Варшавское, Киевское, Одесское, Тифлисское, Ташкентское, Иркутское и Хабаровское контрразведывательные отделения. Деятельность этих КРО распространялась соответственно на территории: Петербургского военного округа, Московского и Казанского военных округов, Виленского военного округа, Варшавского военного округа, Киевского военного округа, Одесского военного округа и области войска Донского, Кавказского военного округа, Туркестанского военного округа, Иркутского и Омского военных округов, Приамурского военного округа. Во всех этих округах контрразведывательные органы вводились не одновременно и носили неодинаковые наименования.

Контрразведывательные органы непосредственно сами могли устанавливать контакты между собой, с жандармскими и полицейскими властями своего района. С жандармскими и полицейскими властями других районов взаимодействие осуществлялось через соответствующие контрразведывательные отделения, а с военными властями и другими учреждениями – через отдел генерал-квартирмейстера Генерального штаба (по особому делопроизводству).

С жандармскими властями наиболее часто приходилось взаимодействовать по вопросам производства ликвидаций⁴⁹ шпионских дел. Исполнителями ликвидаций выступали начальники губернских жандармских управлений и охранных отделений.

Состав всех контрразведывательных отделений определялся прилагаемой к «Положению» специальной ведомостью.

В каждом КРО предусматривались должность начальника и помощника начальника отделения⁵⁰. В зависимости от размеров обслуживаемой тем или иным контрразведывательным отделением территории, в них предусматривалось от 1 до 3 чинов для поручений; от 1 до 4 старших наблюдательных агентов; от 6 до 12 младших наблюдательных агентов.

Казна ежегодно должна была выделять Военному министерству на нужды контрразведки по 843 тыс. руб., однако реально отделения получали меньше на 200–260 тыс. руб. Общая сумма «секретных» расходов Военного министерства в 1911 г. составила 1 947 850 руб., в том числе на разведку – 891 920 руб. и на контрразведку – 583 500 руб.⁵¹

Выделяемые суммы на контрразведку распределялись следующим образом: на секретную агентуру и оплату ценной информации – 246 тыс. руб., жалование служащим – 157 260 руб., на служебные разъезды – 63 600 руб., наем и содержание канцелярий – 33 840 руб., услуги переводчиков – 12 600 руб., содержание конспиративных квартир – 12 600 руб.⁵² Таким образом, почти 43 % всех денег шли на оплату услуг агентуры, которая являлась важнейшим средством контрразведки. Самая крупная сумма предназначалась Санкт-Петербургскому (городскому) отделению. Этот орган обеспечивал безопасность центральных военных учреждений империи и противодействовал подрывным действиям иностранных дипломатов в столице Российского

---

⁴⁹ Под ликвидацией в данном случае понималось применение гласных мер пресечения шпионской деятельности: обыски, аресты, выемки.

⁵⁰ В Петербургском окружном КРО помощник не предусматривался, а в Хабаровском КРО предусматривались две должности помощников начальника отделения.

⁵¹ РГВИА. Ф. 2000 с. Оп. 15 с. Д. 153. Л. 122.

⁵² Там же. Л. 121, 122.

государства. На втором месте по финансированию находилось Хабаровское КРО, задачей которого являлась борьба с мощной японской разведкой. Варшавское и Киевское отделения, противодействовавшие германской и австрийской разведкам в западных приграничных губерниях, получили третью по объему сумму ассигнований. Четвертую позицию по выделяемым средствам занимало Иркутское контрразведывательное отделение, в зоне ответственности которого находилась огромная территория всей Сибири. На этой территории Иркутское КРО вело борьбу с китайской, японской и другими разведками. Наиболее скромные суммы достались Тифлисскому и Одесскому отделениям. Они противостояли относительно слабым разведслужбам Австро-Венгрии, Турции и балканских государств.

Начальником Генерального штаба генералом от кавалерии Я. Г. Жилинским 6 июня 1911 г. были утверждены штаты КРО. Начальники окружных штабов в течение месяца представили отделу генерал-квартирмейстера ГУГШ кандидатуры начальников КРО. 4 июля начальник Генерального штаба обратился к командиру отдельного корпуса жандармов, заявив, что представляется возможным теперь приступить к формированию контрразведывательных отделений, и просил командировать в распоряжение генерал-квартирмейстера ГУГШ и начальников окружных штабов «намеченных» жандармских офицеров.

Генерал-лейтенант Курлов 12 июля отправил своих подчиненных к их новому месту службы. Среди начальников контрразведывательных отделений 7 начальников имели чин ротмистра и 4 – подполковника, четверо из них до этого состояли на службе в охранных отделениях. По характеристикам своих начальников, все они были опытными и энергичными офицерами. Ротмистр Немысский возглавил контрразведывательное отделение штаба Санкт-Петербургского военного округа, подполковник князь Туркестанов – Московского, подполковник Аплечеев – Одесского, ротмистр Муев – Варшавского, ротмистр Беловодский – Виленского, ротмистр Зозулевский – Туркестанского, ротмистр Куприянов – Иркутского.

Чтобы должность начальника контрразведки выглядела в глазах жандармов более привлекательной, было предусмотрено достаточно крупное «добавочное содержание» – 3600 руб. в год. В общей сложности начальники отделений получали в зависимости от чина 5500–5800 руб. в год, что в 2,5 раза превышало средний годовой оклад жандармского ротмистра и превышало обычное денежное содержание командира пехотной бригады в чине генерал-майора.

Сложнее было найти кандидатов на должности помощников начальников КРО, хотя им также полагалось «добавочное содержание» по 1200–1500 руб. В § 9 «Положения о контрразведывательных отделениях» содержалось требование, чтобы помощниками начальников отделений назначались армейские офицеры и, в крайнем случае, – жандармы.

Кроме того, в каждом отделении предусматривался незначительный обслуживающий персонал. Весь штат работников отделений колебался от 22 человек в Хабаровском КРО и до 10 человек в Петербургском окружном КРО. Наибольшие расходы на служебные и секретные нужды были определены для Петербургского городского КРО.

«Положение о контрразведывательных отделениях» 1911 г. впервые оформило образование системы органов контрразведки России, определило направления развития сил, средств, форм и методов контрразведывательной работы. Это «Положение» не могло не оказать благоприятного влияния на борьбу с иностранным шпионажем.

Некоторые вопросы организации военной контрразведки по «Положению» были сформулированы неудачно, что и вскрылось вскоре в ходе последующей практической деятельности КРО. Одним из недостатков «Положения» являлся вопрос о подборе начальников КРО и их помощников. К этим лицам, которые были представителями отдельного корпуса жандармов, в военной среде относились с большой неприязнью, что, безусловно, влияло на результат работы.

«Положение» умалчивало о характере существования КРО, то есть в документе ничего не говорилось об их гласности или негласности. Практика показала, что здесь пошли по пути

негласности КРО, как это было в свое время определено в отношении Разведочного отделения. Усилению негласных принципов в организации КРО должно было способствовать, например, распоряжение ГУГШ о том, что начальники контрразведывательных отделений обязаны носить не жандармскую, а штабную адъютантскую форму. Критикуя в последующем негласность положения контрразведки, некоторые специалисты по розыску утверждали: «Дело борьбы с иностранным шпионажем должно быть популярным, национально-патриотическим, широко охватывающим всё население, все слои общества, все правительственные учреждения, независимо от того, к какому они принадлежат ведомству»⁵³. К недостаткам «Положения» надо отнести также малочисленность установленных для КРО штатов и полную зависимость органов военной контрразведки от жандармских и полицейских властей в производстве уголовно-процессуальных действий.

Помимо указанных недостатков, чины департамента констатировали некоторую отчужденность КРО от жандармских управлений и охранных отделений. Она выражалась в том, что начальник КРО в своих требованиях к начальникам ГЖУ и охранных отделений о проведении совместных оперативно-розыскных мероприятий не считал нужным посвящать последних в существо дела. В этих случаях роль жандармерии и охраны сводилась лишь к формальному исполнению ими требований контрразведки. Жандармерия и охранка не имели возможности самостоятельно проводить расследования и оперативные разработки подозреваемых в шпионаже лиц.

В данном случае, видимо, руководство контрразведки не считало нужным посвящать органы жандармерии в свои дела, исходя из того, что в «Положении о контрразведывательных отделениях» (1911 г.) было указано, что начальники КРО подчинены генерал-квартирмейстерам окружных штабов, при которых созданы. Однако начальниками отделений были офицеры Отдельного корпуса жандармов, и они считались прикомандированными к местным жандармским управлениям. В силу этого обстоятельства начальники жандармских управлений были убеждены в том, что офицеры контрразведки обязаны беспрекословно выполнять их приказания. Выходило, что контрразведка в провинции имела двойное подчинение, причем каждое начальство (военное и жандармское) стремилось продемонстрировать свою исключительную власть над контрразведывательным отделением.

Совершенствование организации контрразведки во время I-й мировой войны

В действующей армии на театре военных действий, независимо от органов КРО, образованных по «Положению» 1911 г., была создана дополнительная система контрразведки. В правовом отношении это было оформлено Наставлением по контрразведке в военное время, утвержденном Верховным главнокомандующим 6 июня 1915 г. На театре военных действий была сформирована следующая система органов контрразведки: КРО Ставки (штаба Верховного главнокомандующего); КРО штабов фронтов; армий, входящих в состав фронтов; отдельных армий неместного характера; отдельных армий местного характера; военных округов на театре военных действий.

В сентябре 1915 г. было принято «Положение о морских контрразведывательных отделениях». Учреждались следующие органы контрразведки: Морское КРО Морского Генерального штаба, Финляндское морское КРО, Балтийское морское КРО, Черноморское морское КРО, Беломорское морское КРО и Тихоокеанское морское КРО.

---

⁵³ Никитинский И. И. Из истории русской контрразведки. С. 300.

Организация контрразведки после падения царизма

После февраля 1917 г. Временное буржуазное правительство вынуждено было относительно контрразведки освободиться от царских правовых актов и принять новые.

Вместо «Положения» 1911 г. принимается «Временное положение о контрразведывательной службе во внутреннем районе» от 23 апреля 1917 г. Это положение предусматривало создание центральных и местных органов контрразведки во внутреннем районе. К центральным относились: Контрразведывательная часть обер-квартирмейстера, Центральное контрразведывательное отделение, Центральное бюро – все они входили в контрразведывательную службу ГУГШ. Местные органы контрразведки во внутреннем районе состояли из КРО внутренних военных округов.

Наставление по контрразведке 1915 г. было заменено на «Временное положение о контрразведывательной службе на театре военных действий» от 2 мая 1917 г. В соответствии с ним на театре военных действий руководство контрразведкой осуществлял второй генерал-квартирмейстер Ставки. К центральным органам контрразведки относились Контрразведывательная часть и КРО штаба Ставки, а к местным – КРО штабов фронтов, армий и военных округов на театре военных действий.

Сохранялась и морская контрразведывательная служба, которая вела борьбу со шпионажем на флоте. Ее организация и деятельность регламентировалась «Временным положением о морской контрразведывательной службе на театре военных действий».

Выводы относительно проблем организационного развития российской контрразведки дореволюционного периода

Первая проблема, которой во многом и посвящен материал данного очерка, это вопрос о датах возникновения отечественных органов безопасности. Как заявил в одном из своих интервью газете «Комсомольская правда» Н. П. Патрушев, будучи Директором ФСБ России: «Специалисты до сих пор не „сошлись“ на какой-то конкретной дате, с которой необходимо вести отсчет истории национальной безопасности. ... Что касается собственно контрразведки, то ее „днем рождения“ в ходе научных дискуссий определено 21 января (по старому стилю) 1903 г. В этот день Николай II принял решение о создании в структуре Главного штаба русской армии первого в истории страны постоянного спецподразделения по борьбе со шпионажем – „Разведочного отделения“. Его первым начальником стал жандармский ротмистр Владимир Николаевич Лавров»⁵⁴. Впервые дата рождения отечественной контрразведки «21 января 1903 г.» была определена автором данного очерка в качестве одного из положений его кандидатской диссертации, защищенной в 1982 г.

Вторая проблема заключалась в решении вопроса: при каком ведомстве было целесообразнее создавать органы контрразведки – или при Департаменте полиции МВД, или при Военном министерстве. В пользу Департамента полиции во внимание бралось одно главное обстоятельство – это наличие в их структурах сотрудников, обладавших профессиональными знаниями и умениями конспиративной агентурно-оперативной работы. В пользу военного ведомства бралось во внимание то, что их специалисты знали организацию русской армии и ее основные секреты, а также имели четкое представление об иностранных армиях и их разведках, то есть знали, что следует охранять и от кого. Именно эти последние обстоятельства

---

⁵⁴ «Комсомольская правда», 20 декабря 2000 года. Директор Федеральной службы безопасности России Николай Патрушев: Если мы «сломаяемся» и уйдем с Кавказа – начнется развал страны / Цитировано по (<http://www.alt.kp.ru/daily/22458/7028/>)

и имели решающее значение. Поэтому и первый специальный орган контрразведки (Разведочное отделение в 1903 г.), и система органов контрразведки (КРО) в 1911 г. были созданы при военном ведомстве.

Третья проблема – это определение территории (района деятельности), на которой должна действовать контрразведка.

Определение района деятельности органов контрразведки определялся в зависимости от тех задач, которые государство ставило перед контрразведкой. Так, при создании в 1903 г. первого специального органа контрразведки – Разведочного отделения, основной его задачей являлось наблюдение и разработка сотрудников иностранных дипломатических миссий, занимавшихся сбором разведывательной информации, и разработка российских подданных, имевших с ними подозрительные контакты. А поскольку дипломатические миссии были аккредитованы и находились исключительно в столице Российской империи Санкт-Петербурге, то и районом деятельности Разведочного отделения был определен Петербург и его окрестности.

Активность иностранных разведок в преддверии Первой мировой войны стала приобретать глобальный характер. Иностранный шпионаж начинает охватывать всю территорию России. Это побудило царское правительство в 1911 г. создать систему органов контрразведки, и районом деятельности российской контрразведки уже становится не только вся территория России, но и выполнение определенных задач и за границей.

Четвертая проблема – это социально-государственное положение (статус) контрразведки с точки зрения того, должны это быть легальные органы, известные широкой общественности, или нелегальные, о существовании которых никаких сведений официально не должно было сообщаться.

Самый первый орган контрразведки, Разведочное отделение, с самого начала было задуман как негласное учреждение, так как считалось, что иначе терялся бы главный шанс на успешность его деятельности, именно тайна его существования. Такой же подход сохранялся при создании и деятельности КРО накануне и в начале войны. Негласный характер деятельности органов контрразведки можно рассматривать как парадигму частного характера, которой придерживались руководство и специалисты Военного министерства в вопросах выработки принципов организации контрразведывательной деятельности.

Но последующая практика во время I-й мировой войны показала, что негласность существования органов контрразведки стала приносить больше негативных последствий, чем пользы. Даже большая часть русских офицеров в действующей армии была часто не в курсе того, что где-то рядом с ними могут работать сотрудники военной контрразведки и их агентура. Имели место случаи, когда агентов КРО, возвращавшихся из-за линии фронта и попавших в поле зрения офицеров строевых частей на передовой, ни при каких обстоятельствах не хотели принимать «за своих», даже если они заявляли о том, что выполняли задание того или иного КРО, ибо строевые офицеры впервые слышали об этих органах. После таких случаев завеса негласности и секретности деятельности КРО понемногу начала спадать. Руководители контрразведки стали рассчитывать на то, что сам по себе патриотический характер деятельности контрразведки, если о ней будет известно общественности, усилит ее связь с населением и сможет дать положительные плоды в выявлении и пресечении подрывной деятельности иностранных спецслужб.

Пятая проблема – это проблема кадрового обеспечения органов контрразведки на стадии их образования и последующих этапах их деятельности.

Когда встал вопрос об образовании системы КРО при военных округах, по мнению П. А. Столыпина, в штабах военных округов не было квалифицированных кадров, знающих достаточно хорошо «техническую сторону розыска». С точки зрения премьера, эффективное взаимодействие с военными могли бы осуществлять районные охранные отделения и сотрудники корпуса жандармов. В этой связи на должности руководителей всех КРО, создававшихся

по «Положению» 1911 г. были назначены офицеры из числа охранных отделений или корпуса жандармов. Во время войны в контрразведку стали приходить офицеры армии и флота, имевшие склонность к оперативной работе, что имело положительные результаты, так как они лучше знали тонкости военного дела и лучше представляли объекты угроз, к которым проявляли интерес иностранные разведки.

П. А. Столыпин

Кадровые вопросы стали для контрразведки проблемой, в собственном смысле этого слова, после февраля 1917 г., когда корпус жандармов и охранные отделения были ликвидированы и стали вне закона.

Шестая проблема – это проблема участия или неучастия органов контрразведки в деятельности по политическому розыску.

На КРО в 1911 г. в качестве одной из задач была возложена обязанность по борьбе с деятельностью иностранных разведок, направленной на подготовку в России вооруженных восстаний. Деятельность контрразведки в данном направлении невольно должна была соприкасаться с деятельностью органов политического розыска МВД России, которым также предписывалось вести борьбу с возможными вооруженными выступлениями внутри государства. Искушение царского правительства на привлечение контрразведки к деятельности по линии политического сыска подкреплялось еще и тем обстоятельством, что руководителями КРО до февраля

1917 г., как правило, назначались офицеры корпуса жандармов и сотрудники охранных отделений, которые до их привлечения к работе в контрразведке как раз и занимались политическим сыском. Но Военное министерство, в ведении которого находились КРО, не поощряло деятельность своей контрразведки по линии политического сыска по нескольким причинам. Во-первых, военные считали для себя политический сыск «грязным делом»; во-вторых, МВД, пользовавшееся у монарха значительно большей поддержкой, ревностно относилось к тому, чтобы позволять кому-либо из другого ведомства вторгаться в сферу своей деятельности; и, в-третьих, финансовое, материальное и кадровое обеспечение контрразведки было настолько скромным, что всего выделенного едва хватало только для борьбы со «шпионством» – основной задачи контрразведки, где же при таких условиях еще заниматься и политическим розыском?!

Седьмая проблема – это проблема «выживаемости» контрразведки при сменах общественного и политического строя в России.

Практика показывает, что контрразведка необходима любому государству и при любых его режимах. Постановка для контрразведки новых задач в условиях военного времени (1914–1917 гг.) позволила более эффективно использовать ее в интересах русской армии, от которой зависел главный успех России в войне.

Сразу после февраля 1917 г., на волне революционных настроений и в условиях установившегося «двоевластия», пошел процесс освобождения от тех карательных органов, с которыми олицетворялся прежний царский режим. Контрразведка среди других спецслужб в этом отношении оказалась в более благоприятном положении, так как ее контрразведывательная деятельность в подавляющей степени носила патриотический характер по отношению к своей стране. Поэтому в России после начала Великой российской революции (февраль-март 1917 г.) слом контрразведки как организационной структуры и отношение к ее сотрудникам проходили постепенно, поэтапно и с максимальным удержанием всего того положительного, что могло бы пригодиться новым властям, новому государству.

А. И. Логинов

Военная разведка и контрразведка Российской империи в 1890-е – 1902 гг.

1890-е годы представляются крайне важными с точки зрения деятельности российских спецслужб по повышению степени готовности Российской империи к отражению внешней агрессии и противодействию деятельности агентов иностранных государств на собственной территории. Фактически именно в 1890-е годы во многом сложился алгоритм взаимодействия различных силовых структур Российской империи, что привело к созданию в 1903 г. единого органа военной контрразведки.

В 1890-е годы деятельность военных агентов и различных служб, связанных с военным разведывательным и контрразведывательным обеспечением, курировал генерал-лейтенант Федор Александрович фон Фельдман (1835–1902).

Происходивший из дворян, Ф. А. Фельдман получил образование сначала в Пажеском корпусе, а затем в Николаевской академии Генерального штаба. После ее окончания он в чине капитана стал старшим помощником начальника военно-учебного отдела при Главном управлении Генерального штаба. Уже через год был назначен начальником этого отдела. В 1872 г. Фельдман был назначен флигель-адъютантом к Его Величеству, а в 1878 г. произведен в генерал-майоры, с назначением в Свиту Его Величества.

С 1876 г. Фельдман был командирован в Вену, где до 1881 г. состоял военным агентом при посольстве. Таким образом, он на личном опыте знал всю работу военного агента. Вернувшись из заграничной командировки, он вновь стал управлять делами Военно-учебного комитета, состоя в то же время членом комитета по мобилизации войск. В 1896 г. Фельдман был назначен директором Императорского Александровского лицея и членом Военного-ученого комитета Главного Штаба.

Фигура Ф. А. Фельдмана является крайне важной в истории отечественных спецслужб во второй половине 1880-х – первой половине 1890-х гг.: фактически именно он в это время создавал, руководил и координировал деятельность различных структур и отдельных лиц по контрразведывательному обеспечению русских войск и военной разведке за границей. Диапазон информации, получаемой Фельдманом, был колоссален – от тайных сведений политического характера и по отдельным агентам западных стран, поступавших от Отдельного корпуса пограничной стражи, до выработки концепций и определения стратегических направлений деятельности. Фельдман был прекрасным организатором, аналитиком, ученым. Должности, которые он занимал, свидетельствуют об абсолютном доверии ему со стороны Императора Александра III.

Ф. А. Фельдман

Фактически под руководством Фельдмана и по его замыслу предпринимается ряд организационных шагов по созданию системы взаимодействия силовых структур, занимающихся обеспечением военной безопасности Российской империи, где важное место занимали военная разведка и контрразведка. Охарактеризовать тенденцию действий Фельдмана можно одним словом – централизация. Фактически именно в 1890-е гг. были заложены основные организационные предпосылки для создания специальной структуры – военной контрразведки Российской империи. Учитывая инертность бюрократического аппарата, номенклатурные противостояния руководителей отдельных ведомств и лиц, приближенных к новому императору Николаю II, замысел Фельдмана административно осуществился спустя десятилетие после системной работы многих отдельных структур по единому принципу – в канун войны с Японией 1904–1905 гг.

Для систематизации информации выделим главные конструктивные элементы организации военной разведки и контрразведки «по Фельдману»:

1. Военно-ученый комитет Главного штаба.
2. Военные агенты в различных странах и связанный с ними агентурный аппарат.
3. Департамент полиции Министерства внутренних дел.
4. Отдельный корпус пограничной стражи.

Александр III

Придерживаясь подобной структуры, постараемся на примерах показать цели, методы, принципы и результаты деятельности специальных служб Российской империи в 1890-е годы и в первые годы XX века.

Военно-ученый комитет Главного штаба

Высочайшим манифестом Императора Александра I от 25 июня 1811 г. было объявлено об издании «Общего учреждения министерств». 27 января 1812 г. было создано особое «Учреждение военного министерства». Тогда же появилась необходимость в создании особого учреждения при военном министерстве, которое могло бы рассматривать целый комплекс вопросов, связанных с законодательным обеспечением, анализом, высшим военным обучением и планированием, стратегическим развитием военного ведомства. В качестве такового учреждения был создан Совет военного министра, который в той или иной форме, с некоторыми отличиями в функциях, существовал в течение ста лет. В 1815 г. был создан Главный штаб Его Императорского Величества.

Для обсуждения вопросов, относящихся до педагогической части военно-учебных заведений, 16 февраля 1863 г. был создан Главный военно-учебный комитет. С 29 марта 1867 г. состоял при Военном совете. Непременными членами комитета были начальник военно-учебных заведений, его помощник и начальники Николаевской академии Генерального штаба, Михайловской артиллерийской и Николаевской инженерной академий (с 1869 г. также

Военно-юридической и Медико-хирургической академий). Комитет бы упразднен 7 января 1884 г. с передачей его функций в Главное управление военно-учебных заведений.

В ходе реформ 1860-х – 1870-х гг., боясь получить в лице Главного штаба соперника в управлении военным ведомством, генерал Д. А. Милютин деформировал идею создания Главного штаба по образцу Германии. По его инициативе вместо полноценного центра подготовки к войне был создан подконтрольный совещательный орган – Военно-ученый комитет. Военно-ученому комитету был поручен сбор данных об иностранных государствах. Основные усилия работы Военно-ученого комитета были сосредоточены на Европе. В зависимости от изменения внешнеполитической обстановки Комитет переключался и на азиатское направление. Сбором информации об Азии занималась также Азиатская часть Главного штаба. Таким образом, можно утверждать, что генезис организованной военной разведки в Российской империи происходил как одно из направлений служебной деятельности Главного штаба.

В 1890 году, по аналогии с 1869–1874 гг., была создана Главная распорядительная комиссия по перевооружению армии, которая функционировала до 1897 года. Председателями Комиссии являлись военные министры. На Комиссию было возложено распределение и расходование денежных сумм на изготовление ружей и металлических патронов для русской армии; разрешения всех заготовлений оружия в России и за границей, изменение по соглашению с контрагентами первоначально назначенных цен и сроков исполнения военных заказов и прочее. В отношении разведывательной деятельности важно то, что именно через эту комиссию проходило финансирование расходов, связанных с проведением специальных мероприятий и деятельностью военных агентов⁵⁵.

В 1890-е годы в числе главных задач центра анализа и управления сбора разведывательных данных были определение стратегических направлений деятельности, анализ информации и принятие государственных решений в области военного дела, организация и координация деятельности отдельных направлений и особых заданий.

Не будет преувеличением сказать, что многие решения принимались вполне конкретными руководителями, а не коллегиально. Вместе с тем следует подчеркнуть, что сложившаяся система создавала определенную преемственность, что снижало степень зависимости от ошибок конкретных исполнителей.

Военные агенты

Основным звеном в сборе военной информации на территории зарубежных стран являлись военные агенты Российской империи в странах пребывания.

Военные агенты или «лица, их замещающие» были приписаны к Генеральному штабу. Как правило, это были старшие офицеры. Многие из них являлись представителями аристократических кругов Российской империи, так в ряде стран военные агенты выполняли и особые представительские функции.

---

⁵⁵ РГВИА. Ф. 401. Оп. 5/929. Д. 15. Л. 18–19.

Р. фон Траубенберг

Л. А. Фредерикс

Д. В. Путята

Как правило, военный агент являлся официальным представителем Российской империи в стране пребывания. Его деятельность была направлена как на представительские функции по военной части, так и на сбор необходимой информации военно-политического характера. Среди корреспондентов военного агента были и нелегальные агенты, услуги которых оплачивались. Существенным усилением этого направления были прикомандированные сотрудники, которые выполняли особые поручения по профилю своей деятельности.

Для небольшой характеристики военных агентов приведем списки военных агентов Российской империи по состоянию на 1891 г. Всего на довольствии по линии военных агентов и лиц, к ним приравненных, состояло 16 человек⁵⁶.

Как правило, военные агенты служили в стране пребывания по 5 лет, после чего производилась плановая замена. Военные агенты Российской империи были во всех странах мира, с которыми были связаны интересы России – это были ведущие страны Европы, а также страны Азии.

Так, военным агентом в Берлине был Бутаков. Прикомандированным при нем был коллежский асессор Токарев, состоявший при свите прусского короля в распоряжении гене-

---

⁵⁶ Там же. Л. 14, 132, 168, 214.

рал-майора графа Голенищева-Кутузова. Военным агентом в Вене был полковник Зуев; прикомандированным при нем был чиновник особых поручений VIII класса Мятлев.

Военным агентом в Париже являлся генерал-майор Фредерикс; в Афинах – барон Рауш фон Траубенберг; в Бухаресте и Белграде – подполковник барон фон Таубе, в Брюсселе и Гааге (Гаге) – полковник Чигасов; в Константинополе – полковник Пешков и находящийся в его распоряжении полковник Калинин; в Копенгагене – полковник Блюм; в Берне – подполковник Бертельс и состоящий в гвардии пехоты подполковник Овсяный. В далеком Пекине военным агентом был полковник Путята.

В январе 1891 г. военным агентом в Лондоне стал подполковник Генерального штаба подполковник Николай Сергеевич Ермолов (1853–1924). Военным агентом в Англии он пробыл до 1905 года. 20 февраля 1907 года был вновь назначен военным агентом в Великобританию, где и остался после Октябрьской революции.

Заслуги военных агентов отмечались наградами. Так, 30 августа 1891 года военный агент в Берлине Бутаков был награжден орденом св. Анны II степени. Грамоту к ордену он получил в Берлине 6 декабря того же года, заверив ее получение подписью.

Помимо государственного содержания, для военных агентов существовала касса офицерского вспомогательного капитала. Военные агенты имели право обратиться в нее при возникновении проблем личного характера. Так, военный агент в Брюсселе и Гааге полковник Чигасов задолжал в офицерский вспомогательный капитал с 1887 по 1890 г. сумму 183 руб. 54 коп. Ему было официально предписано погасить долг. Задержку по оплате взносов Чигасов объяснил тем, что он оплатил 2706 франков на поездки и выполнение поручений из собственных средств, которые ему так и не были компенсированы. Он просил вычесть деньги из его образовавшейся задолженности и компенсировать потраченные личные средства⁵⁷.

Много или мало потратил полковник Чигасов? В соответствии с приказом № 248 от 1889 года офицерам Генерального штаба при выполнении поручений за рубежом компенсировались порционные деньги (суточные) и проезд в поездах первого класса. Порционные деньги были определены: для генералов – 40 франков в день, для штаб-офицеров – 30 франков, для обер-офицеров – 20 франков⁵⁸. Таким образом, как полковник, Чигасов из личных средств потратил порционные деньги на 3 месяца.

Чем занимались военные агенты Российской империи? Приведем несколько кратких примеров, каждый из которых сам по себе достоин отдельного повествования.

В феврале 1891 г. военный министр поставил задачу сбора информации о скоростях и давлении артиллерийских орудий армий западных стран при стрельбе бездымным порохом. В марте 1891 г. для этих целей от Главного управления Военного министерства в страны Европы был командирован капитан Шмидт фон дер Лауниц – всем военным агентам предписывалось оказывать ему всестороннюю помощь. Для скорейшего достижения целей по сбору научно-технической информации об инновациях в артиллерии военным агентам отпускались специальные средства⁵⁹. Сбор информации об артиллерийских системах стал одной из приоритетных задач для военных агентов всех стран Европы.

Военный агент в Пекине полковник Дмитрий Васильевич Путята (1855–1915) сыграл выдающуюся роль в расширении российского присутствия на Дальнем Востоке и в странах Азии. После участия в русско-турецкой войне, где он отличился, 17 ноября 1878 г. зачислен в Николаевскую академию Генерального штаба. По окончании курса академии в 1881 г. по первому разряду был причислен к Генеральному штабу и назначен в Туркестанский военный округ.

---

⁵⁷ Там же. Л. 15.

⁵⁸ Там же. Л. 18–19.

⁵⁹ Там же. Л. 18, 19, 63, 97, 98.

С 18 января 1886 г. подполковник Путята является помощником заведующего Азиатской частью Главного штаба Военного министерства. 23 октября 1886 года он назначается военным агентом в Китае с оставлением в Генштабе. За пять лет службы в Китае получил высшие и лестные оценки от командования, главная и наиболее емкая из которых – «всесторонне изучил Китай»⁶⁰.

Венцом китайской миссии Д. В. Путяты стала организация экспедиции на Большой Хинган, для организации которой ему было выделено 6 тыс. руб. из средств Тибетской экспедиции. За успешную организацию экспедиции и достигнутые результаты он был 21 марта 1892 г. пожалован пожизненной пенсией в 500 руб. – очень серьезная, исключительная награда по тем временам. В последующем служил на различных крупных должностях. В 1902–1906 гг. военный губернатор Амурской области.

Необходимо отметить, что деятельность Путяты является образцом преемственности. Точкой отсчета в активизации интереса Санкт-Петербурга к странам Восточной Азии является Кульджинский кризис 1879–1881 гг., когда пришло понимание необходимости считаться с появлением на Дальнем Востоке новых потенциальных военных противников – Китайской и Японской империй.

В качестве примера специальной работы по сбору и анализу военных данных о вооруженных силах вероятного противника мы приведем выдержки из рапорта прикомандированного в Вену как гражданское лицо корнета запаса Мятлева об австрийской коннице⁶¹.

Фактически Мятлев осуществлял свою деятельность «под прикрытием», официально являясь гражданским человеком. Он являлся представителем дворянских кругов российской империи, владел имениями. В 1890 году он был зачислен с кавалерийской службы в запас и был оформлен в гражданскую службу в качестве чиновника для особых поручений VIII класса (всего было 9 классов)⁶². Напомним, что чиновники по особым поручениям состояли при министрах, губернаторах и других начальниках высокого уровня. В должностные обязанности чиновника по особым поручениям могли входить контрольно-инспекторские функции, обязанности, не распределенные между другими чиновниками аппарата управления того или иного ведомства или учреждения. То есть в государственной иерархии, несмотря на скромное армейское звание, Мятлев был далеко не последний человек.

Записка Мятлева является примером всестороннего анализа и длительных по времени наблюдений за одним из главных родов войск Австро-Венгерской империи – кавалерией. Корнет вычленяет два главных слагаемых австрийской конницы – всадника и лошадь, а также анализирует различные аспекты боевой, строевой, тактической подготовки, вооружения, тылового обеспечения кавалерийских частей. Структура записки такова, что в начале каждого тезиса отмечаются преимущества составных частей австро-венгерской кавалерии, а потом дается их критическая оценка. В конце анализа Мятлев особенно отметил то, что ему не удалось в полном объеме и так, как хотелось, наблюдать походную и сторожевую службу австро-венгерских кавалерийских частей.

Очень хорошо отзываясь о качестве австрийских «высокорослых, легких, выносливых» лошадях, российский специалист критично замечает, что в армейские части лошади приходят «сырыми», а не «из кадра». Это неизбежно сказывается на поведении лошади, которой необходимо достаточное время для адаптации.

В целом положительные отзывы Мятлев дает всадникам – «всадник сидит крепко, управляет недурно». Высшие оценки он дает офицерскому корпусу: «Офицеры ездят превосходно,

---

⁶⁰ Там же. Ф. 401. Оп. 5/929. Д. 15. Л. 142–144.

⁶¹ Там же. Ф. 401. Оп. 5/929. Д. 15. Л. 152–155.

⁶² Там же. Л. 158, 210.

любители этого дела и всего, что этого касается. Выше среднего контингента наших офицеров, но езда их скорее любительская, а не военная»⁶³.

Говоря об управлении кавалерией, наш наблюдатель замечает, что все равнение в строю идет только на офицера, что делает австрийскую конницу организационно уязвимой в случае выбытия офицера. Мятлев невысоко оценивает тактическую подготовку австро-венгерских кавалерийских частей. «Учения всегда проводятся на очень большой площади. Мне кажется, что приказание произвести ломку фронта на незначительном пространстве поставило бы в затруднение командиров соответствующих частей». Именно поэтому индивидуальная езда лучше фронтовой.

В качестве еще одного недостатка отмечается то, что при повышении по службе офицер не остается в полку, где служил, а переводится в другой полк. Все это негативно сказывается на знании сослуживцев и выработке товарищеского взаимодействия.

Невысокое мнение чиновник особых поручений составил о нижних чинах австро-венгерской кавалерии. В качестве двух главных причин он указал отсутствие опытных унтер-офицеров, чем всегда славилась австрийская кавалерия, и молодость рядового состава («не солдаты, а дети»). «Смотр при императоре происходит только при сведении в полк лучших эскадронов».

Русскому агенту бросилось в глаза то, что сигналы управления в эскадронах подаются редко. «Спешиванию не придают важного значения и производят его беспорядочно и неумело, равно как и стрельбу; видно, что дело это непривычное»⁶⁴.

Лестных слов заслужило вооружение австро-венгерских конных частей. Особое значение придавалось использованию пики, которая себя хорошо зарекомендовала в уланских частях и планировалась и для дальнейшего оснащения кавалерийских частей. Основным вооружением всадника были сабля и карабин.

Сабля и седловка отмечаются как соответствующие российским. Оценочное суждение австрийского конного карабина очень лестное – «8,5 мм, очень легкий и дальнобойный, прикладистый». Особо наш агент обращает внимание на использование австрийцами второго ремня для крепления карабина за спиной – это практически исключает передвижение карабина за спиной и исключает удары по спине скачущего всадника. Вместе с тем второй ремень не только не мешает снятию оружия, но делает его более удобным в условиях интенсивного движения всадника на лошади.

Как элемент вооружения Мятлев отмечает использование каждым конником специального ножа «ret-stock», который находится в голенище сапога – левом или правом, в зависимости от того, какая рука является ведущей для конкретного всадника.

«Рубка и фланкировка не отличаются особенной системой и легкостью. Особенно первая, которая сводится к маханию саблей по воздуху, без понятия о защите и правильности удара, вследствие редкого упражнения в рубке чучел на разных аллюрах»⁶⁵.

Как примитивная оценивается подготовка кавалеристов для преодоления препятствий. В основном в качестве препятствий для тренировок использовались бревно или канава, что явно обедняло возможные препятствия, которые могли встретиться в боевых условиях.

Главным же недостатком австро-венгерской кавалерии Мятлев считает межнациональные и социальные отношения в австро-венгерской армии. «Еще большее различие представляется в отношениях офицера к солдату в нравственном смысле. О причинах нечего говорить; они общи по всей австро-венгерско-чешско-польско-хорватской армии: разноплеменность, разноразность, разноречие». Вместе с тем, оценивая возможности потенциального против-

---

⁶³ Там же. Л. 152, 154 об.

⁶⁴ Там же. Л. 153.

⁶⁵ Там же. Л. 154 об.

ника, российский наблюдатель делал вывод о том, что австрийская конница «может явить чудеса храбрости»⁶⁶.

Военный агент в Турции подполковник Пешков, помимо сбора военно-политической информации, на протяжении нескольких лет занимался картографической съемкой прибрежной полосы на азиатском берегу Средиземного моря. Для этой работы были привлечены профессиональные военные топографы. Среди них Пешков отметил закавказского татарина мусульманина капитана Вехилова, «человека простого, скромного, непритязательного»⁶⁷.

В целях отработки рекомендаций по использованию подручных средств на средиземноморском театре военных действий Пешков выписал из Турции бамбуковые пики и шесты⁶⁸.

Военный агент князь генерал-лейтенант Михаил Алексеевич Кантакузин в записке от 31 августа 1894 года сообщал о беспорядках, организованных офицерами афинского гарнизона 20 августа 1894 г.

Причиной беспорядков стала статья в газете «Акрополис», в которой журналисты в очень резких выражениях возмущались тем, что трое офицеров гарнизона избили и «отодрали хлыстами» одного штатского. При этом газетчики не указали того факта, что у штатского отобрали оружие, а при попытке задержания он оказал сопротивление. «Акрополис» и до этого отличался крайне нелестными публикациями в адрес греческих военных, но эта публикация сыграла роль бикфордова шнура. Характеризуя сложившуюся ситуацию, российский военный агент делает особое заключение о том, что вся эта ситуация является прямым следствием того, что в Греции отсутствует прокурорский надзор за деятельностью прессы и что, если бы он был, многих недоразумений можно было легко избежать.

Тон и антиофицерская направленность публикации в «Акрополисе» вызвали возмущение среди офицеров Афинского гарнизона. 20 августа 102 греческих офицера, в числе которых было 11 капитанов, пошли к редакции. За офицерами под командованием унтер-офицеров двигалось около 100 нижних чинов, которые были вооружены дубинками и топорами. Военный агент отметил, что офицеры специально выбрали для движения время сиесты, с 12 до 16 часов дня, когда городские улицы пустынные, чтобы не допустить случайных столкновений. Колонна людей в форме без происшествий добралась до редакции «Акрополиса» и учинила там полный разгром. В редакции никого не было, кроме сторожа. Сам сторож не пострадал. После погрома военные организовано ушли к месту квартирования, а сами офицеры самостоятельно пришли в отделение полиции и назвали свои имена.

Военный министр Греции возбудил следствие по этому инциденту. Редакция «Акрополиса» выставила счет на возмещение убытков в 200 тыс. греческих драхм (ок. 115 тыс. франков), которые все посчитали чрезмерно и бессовестно завышенными. В течение нескольких дней офицеры Афинского гарнизона получили письма поддержки своим действиям из других гарнизонов греческих городов и мест дислокации регулярных частей.

Военный агент князь М. А. Кантакузин сделал вывод о том, что акция прошла с ведома греческих военачальников, которые фактически покрывали действия младших офицеров Афинского гарнизона. Он особенно подчеркнул, что «общественное мнение быстро успокоилось». В резюме своего доклада представитель России сделал также ироничный вывод о боевых возможностях греческих военных, низко оценив эти возможности в случае начала крупномасштабных боевых действий⁶⁹.

---

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же. Ф. 401. Оп. 5/929. Д. 15. Л. 280–283.

⁶⁸ Там же. Л. 135.

⁶⁹ Там же. Ф. 401. Оп. 5/929. Д. 13. Л. 2–4.

Завершая рассказ о военном агенте в Греции М. А. Кантакузине, отметим, что в декабре 1894 г. он скоропостижно скончался и был похоронен в Пирее. В похоронах участвовал греческий принц Георг и греческие войска⁷⁰.

Таким образом, официальные военные агенты играли и роль аналитиков, обобщая всю информацию, получаемую с помощью своих агентов в стране пребывания.

Российская военная разведка проводила не только мероприятия по контрразведывательному обеспечению приграничных российских войск, но и активные разведывательные мероприятия.

М. А. Кантакузин

В качестве яркого и дерзкого примера, который может лечь в основу сценария военного приключенческого фильма, приведем пешее «путешествие» подпоручика 109-го Волжского пехотного полка Александра Винтера из Сосновиц в Париж через Австрию, Германию и далее Италию, Сербию и Черногорию, которое он совершил на рубеже 1890–1891 гг. За 38 дней он пешком преодолел 1430 верст (в среднем по 33–37 км в день) по территории центральных западных стран по направлению Сосновицы – Дрезден – Вюрцбург – Мец – Париж. Оценивая этот маршрут, давайте вспомним боевые операции Первой мировой войны и стратегические планы русских войск...

---

⁷⁰ Там же. Л. 13.

К сожалению, пока мы немного знаем о подпоручике Винтере. Проходя службу в частях Варшавского округа, он должен был, как и ряд других офицеров, в порядке плановой замены отправиться в Приамурский округ для комплектования вновь создаваемых 9-го и 10-го Восточно-Сибирских линейных батальонов. Получив проездные деньги, 24 ноября 1890 г. Винтер официально убывает из Волжского полка.

Но, как мы уже знаем, подпоручик начинает бодро шагать на Запад – как турист, но в военной форме. Передвигался Винтер в мундире пехотного офицера Волжского полка. При этом не передвигался скрытно и лесами – он появлялся в населенных пунктах, ел в трактирах, останавливался на ночевки в гостиницах. Винтер благополучно минует территорию Австрии, Германии и оказывается во Франции. Только 5 января 1901 г. на подступах к Парижу в ходе пешего перехода российский подпоручик был задержан конным нарядом французских драгун.

12 января Винтер в Париже встречается с военным агентом России во Франции Львом Александровичем Фредериксом (1839–1914). Но после встречи с военным агентом подпоручик не отправляется, как дезертир, обратно на территорию Российской империи, а начинает свое движение... в Рим. Правда или нет, но по дороге в Священный город Александр «теряет» деньги. Он обращается в посольскую миссию Российской империи в Риме с просьбой ссудить ему 300 руб. Его просьба удовлетворяется – Винтеру официально выдаются деньги в счет ссуды с последующим удержанием из жалования. Выдача ссуды оформляется посольскими банками Наст-Комте и Шумахером.

Далее через Балканы офицер Волжского пехотного полка прибывает в Варшаву и далее – в Ригу. 20 апреля 1901 года он письменно уведомляет посольство в Риме о задержке выплаты взятых средств до получения им казенных денег. Переписка о выделенных средствах идет по линии Особенной канцелярии.

Складывается впечатление, что миссия Винтера была не туристической. Создается мнение, что офицер проводил не столько сбор какой-либо информации военного характера, но – и в первую очередь – выяснял алгоритм действий пограничных и полицейских частей западных стран, характер их взаимодействия с дипломатическим ведомством страны. То есть фактически миссия Винтера была призвана проанализировать алгоритм контрразведывательного прикрытия приграничных округов со стороны западных государств с целью противодействия аналогичным действиям возможной агентуры противника уже на своей территории. Вне всякого сомнения, из подобного путешествия должны были быть сделаны выводы и для российской нелегальной агентуры для действий на территории зарубежных стран.

Анализируя деятельность военных агентов за рубежом, бросается в глаза изменение характера их деятельности со вступлением на престол в октябре 1894 года Николая II Александровича Романова (1868–1918). С одной стороны, увеличивается круг рассматриваемых вопросов. С другой стороны, влияние военных агентов начинает падать – усиливается ведущая роль сотрудников МИД России.

Вместе с тем в 1897–1901 гг. усиливается степень координации действий военных агентов и прикомандированных сотрудников посольств с сотрудниками и агентами департамента полиции, а также представителями Отдельного корпуса пограничной стражи. Так, например, в 1901 г. негласный русский агент Фукс просил содействия русских консулов в Штеттине, Данциге и Кенигсберге при выполнении задания и передачи информации⁷¹.

---

⁷¹ Там же. Ф. 401. Оп. 5/929. Д. 631. Л. 161, 162.

Департамент полиции Министерства внутренних дел

В 1880 г. Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии было упразднено, а исполнительный орган Отдельный корпус жандармов передан в подчинение Министерства внутренних дел. Министр внутренних дел получил права шефа жандармов.

С 1883 г. Военное министерство начинает координировать работу по противодействию агентам зарубежных стран в западных областях Российской империи. Именно в этом году был впервые возбужден вопрос о настоятельной необходимости не допускать «прочного внедрения иностранных подданных в районах крепостей, железнодорожных узлов, по берегам рек и в ближайших полосах по станциям железных дорог»⁷². Помимо военных представителей, ведущую роль в этом вопросе играл Департамент полиции.

В 1887 г. последовали два новых организационных мероприятия, посвященных этому вопросу. 14 марта вышел указ, который устанавливал пределы владения землей со стороны иностранцев в пределах приграничных областей. 14 апреля вышел новый указ, по которому коменданты крепостей получали право выселять с территории крепостей «ненадежные элементы» – ненадежность «элементов» определялась на основании заключений сотрудников полиции и предоставлялась на утверждение военного руководства.

В 1887 г. в штат крепостей Варшава, Новогеоргиевск, Брест, Ивангород, Ковны, Усть-Двинск и Осовец были введены специальные крепостные жандармские команды.

В 1888 г. местность в приграничной зоне стала делиться на участки, согласно дислокации войск, с привлечением контроля над этой территории и ее охраны со стороны строевых и уездных воинских начальников, а также усиления на ней надзора и проверки лиц со стороны полиции, и сбора сведений по лицам, вызывающим сомнение в благонадежности.

В 1893 г. вышло распоряжение Департамента финансов об оказании материального содействия пограничной страже в деле наблюдения за неблагонадежными и вызывающими сомнение гражданами. Главная роль во всех этих мероприятиях по выявлению, проверке и задержанию неблагонадежных элементов на приграничной территории возлагалась на Отдельный жандармский корпус.

В 1894 г. появляется проект о выделении денежных сумм для обеспечения негласного наблюдения агентов полиции за подозрительными личностями в пограничных областях и зонах. Но этот законопроект не нашел поддержки со стороны министра внутренних дел П. Н. Дурново и так и не получил своего развития вплоть до революционных событий 1905 г.⁷³

Начиная с 1896 года, резко активизируется деятельность военных агентов западных стран не только в западных областях Российской империи, но и в портовых городах Юга и Северо-Запада России. Это повлекло за собой разработку особого проекта «Положения о военно-разведочном следовании», по которому выделялись в отдельное производство дела, связанные с военным шпионажем⁷⁴.

Крупным успехом русской военной агентурной разведки стала добыча плана действий «Службы тайной разведки во время мобилизации» из Мобилизационного плана XI армейского корпуса австрийской армии с тремя приложениями.

Приложение 1 содержало список тайных австрийских агентов и сборных пунктов их сообщений в Киеве, Жмеринке, Радзивилове, Дубно, Каменец-Подольске, Бродях, Подволочиске, Садагурах, Житомире, Волочиске, Черновцах, Гусятине, Кременце, Ровно, Сатанове, Целковцах и менее крупных населенных пунктах.

---

⁷² Там же. Ф. 401. Оп. 5/929. Д. 631. Л. 1.

⁷³ Там же. Л. 2, 5.

⁷⁴ Там же. Л. 22–31.

Приложение 2 содержало отчетную карту пограничных районов с численностью тайных австрийских агентов. О масштабах деятельности австро-венгерской военной разведки на территории Российской империи говорят некоторые цифры – например, в Жолкиеве было 47 агентов, Злогове – 27, Моностержинке – 24, Черновцах – 13 и т. д.

Приложение 3 содержало список наблюдательных пунктов и краткое описание контактных лиц, включая пароли и отзывы по основным пунктам.

Безусловно, добыча подобного плана была крупным достижением русской военной разведки. Выборочная проверка нескольких лиц подтвердила достоверность сведений. Фактически в руки жандармов поступили готовые данные – они знали, против кого работать!

2 февраля 1900 г. ценный документ в нескольких копиях был доставлен в Санкт-Петербург и в первую очередь – в Канцелярию Военно-ученого комитета. Перевод добытого агентурой документа с оригинала и его анализ осуществлял также лично директор департамента полиции, тайный советник Сергей Эрастович Зволянский (1855–1912).

Спустя некоторое время были сделаны аналитические выводы, из которых в числе ключевых оказались следующие:

- 1) «тайная агентура активно действует уже теперь»;
- 2) «подобные сети агентуры действуют и в других приграничных областях в зоне действия смежных армейских корпусов австрийской армии»⁷⁵.

Вместе с тем было рекомендовано крайне критично подходить к использованию информации – допускалась вероятность дезинформации со стороны австрийской военной разведки. Были сделаны выводы по организации комплексной работы по всей границе соприкосновения, усилена агентурная работа, была начата работа по разработке указанных агентов и выявлению их контактов. Дополнительно к контрразведывательной работе с соответствующими ориентировками были подключены военные агенты европейских стран.

Впрочем, военным агентам уже не нужно было подсказывать, что делать в случаях появления информации соответствующего характера. Так, военный агент России в Копенгагене сообщил, что к нему явился в марте 1900 г. польский дворянин Лавчинский и предложил сообщить ему «сведения о лицах, в данное время состоящих тайными агентами английского военного министерства в России»⁷⁶.

Лавчинский сообщил, что он является тайным агентом Австрии с 1893 г. При ее помощи он получил в 1894 году паспорт в Санкт-Петербурге. Но он прибыл в Департамент полиции и сообщил сведения, которые были переданы в распоряжение генерал-лейтенанта Ф. А. Фельдмана. Лавчинский получил от генерала Петрова 500 руб. денег и предписание выехать за пределы Российской империи и больше в нее не возвращаться. После этого он был в Америке и Англии, пока в феврале 1900 г. не был вновь послан в Россию по заданию лорда Уэльского в качестве одного из главных тайных агентов, даже показав соответствующую записку. Также он назвал имена семи английских агентов, проживающих в Санкт-Петербурге, Севастополе, Одессе, Киеве, Батуми, Варшаве.

Информация Лавчинского была взята в проверку. В результате на стол Фельдмана легла следующая информация: «Мещанин Феофил Феофилович Лавчинский, по имеющимся в департаменте полиции сведениям, личность совершенно безнравственная и не заслуживающая решительно никакого доверия. Отличаясь необычайной лживостью и наглостью, Лавчинский склонен выдавать себя за лицо более или менее высокопоставленное или снабженное какими-либо познаниями. В течение нескольких лет Лавчинский служил во французских войсках в Алжире и Тонкине, в Бельгийском обществе дорог в Конго...»⁷⁷

---

⁷⁵ Там же. Л. 61–65.

⁷⁶ Там же. Л. 72.

⁷⁷ Там же. Л. 76–77.

Как мы видим, в своей деятельности сотрудникам Департамента полиции зачастую приходилось идти по ложному следу. Помимо постоянного столкновения с оговорами, деятельностью авантюристов, сотрудники департамента полиции сталкивались и с заведомо ложной информацией в редакции агентов зарубежных разведок, которые были призваны отвлечь силы русской контрразведки от действительных агентов, направить действия российских сыщиков в тупик.

Но не отреагировать на информацию было нельзя. Приведем один яркий пример этого времени (пунктуация и орфография сохранены по оригиналу).

«Ваше Превосходительство. Из разговора двух жидов в вагоне я узнал что какой-то еврей в городе Беле мендель гольдферб (так называли его жида между собой) продает заграничным жидам планы мостов на брестском шоссе и крепости Бресте, и берет за эти рисунки большие деньги, и что рисунки эти он достает от какого-то кондуктора Трубицына который служит на варшавском округе путей сообщения, и что с этим человечком Гольдфорб хорошо знаком, бывает у него в гостях и что деньги, которые они получают за рисунки они вместе пропивают и что на днях кондуктор сказался дать еще какие то бумаги для за границы. Так как они продают родину то я пишу вам чтобы им помешать продавать родину. Город Луков крестьянин Иван Филимонов 28 мая 1901»⁷⁸.

Как оказалось в ходе проверки, никакого крестьянина Ивана Филимонова в Лукове не оказалось. В 1899 и 1900 гг. еврей Гольдфорб был прорабом на строительстве мостов в районе Бреста и у него остались рабочие схемы и чертежи этих мостов, ни в чем предосудительном замечен не был. За кондуктором Трубицыным было установлено дополнительное наблюдение...

Но настоящие шпионы были. И их были не единицы...

2 февраля 1901 г. в Дубно Волынской губернии сотрудниками департамента полиции был задержан офицер австрийской службы Станислав Опель, 43 лет. Он представился лейтенантом запаса ландштурма, занимающимся торговлей. Выяснилось, что Опель 4 месяца передвигался по Дубенскому уезду. При обыске у него были найдены записные книжки с записями расстояний между населенными пунктами и узнаваемыми объектами, готовальня, схемы дорог уезда, подробные карты уезда польского производства⁷⁹.

Не так опрометчивы и простодушны были и иностранные агенты. Например, находившийся под негласным наблюдением в Харькове поручик прусской службы Генинг Гейдеберг накануне задержания покинул город и уехал за границу⁸⁰.

Следил Департамент полиции и за теми агентами, которые подозревались и в одновременном взаимодействии с разведками других государств. Так, в материалах департамента полиции сохранена серия публикаций суда в Вене летом 1900 г. над неким Карнашом Сория⁸¹.

Таким образом, Департамент полиции выполнял огромный объем работы по проверке и выявлению подозреваемых лиц, а также непосредственно участвовал в их негласном наблюдении или задержании. При этом департамент также проводил активную агентурную работу.

Отдельный корпус пограничной стражи

В 1893 г. указом Александра III был создан Отдельный корпус пограничной стражи путем выделения в особое военное формирование отделения пограничного надзора Департамента таможенных сборов Министерства финансов России.

---

⁷⁸ Там же. Ф. 461. Оп. 5/929. Д. 631. Л. 169, 194.

⁷⁹ Там же. Л. 132–135.

⁸⁰ Там же. Л. 150.

⁸¹ Там же. Л. 180–186.

Отдельный корпус пограничной стражи подчинялся министерству финансов, руководителем которого был Шефом корпуса, непосредственное руководство осуществлял командир корпуса, который по статусу приравнялся к начальнику военного округа или начальнику главного управления военного министерства. Первым Шефом Отдельного корпуса пограничной стражи стал министр финансов Сергей Витте, а первым командиром – генерал от артиллерии Александр Свиньин.

Корпус делился по территориальному признаку на округа (было создано 7 округов), бригады, отделы (по 3–4 в каждой бригаде), отряды (по 4–5 отрядов в бригаде), кордоны (по 15–20 человек) и посты. В 1893 году в состав корпуса вошла также Балтийская крейсерская таможенная флотилия.

7 марта 1900 г. в округа из Санкт-Петербурга ушел циркуляр Отдельного корпуса пограничной стражи, направленный на организацию новых местных отделов и активизацию агентурной работы. На основании циркуляра, при выполнении возложенных на них задач, сотрудникам пограничной стражи поощрялось:

- 1) целесообразное пользование секретным фондом;
- 2) обращение особого внимания на железнодорожные узлы, станции и дороги в целом;
- 3) оплата информации агентов без проволочек;
- 4) нелегальным агентам должна быть гарантирована тайна их имен;
- 5) оказание содействия специальным чинам Военного министерства в проведении следственных и розыскных мероприятий⁸².

Отдельный корпус пограничной стражи также вел свою разведывательную деятельность, направленную на предупреждение действий противников из зарубежных стран. Так, в 1900 г. подполковником Вавилиным был подготовлен план организации службы тайной разведки на территории Румынии. Руководить разведывательной работой на территории Румынии должны были два тайных агента, которые выстраивали свою сеть информаторов и «случайных агентов».

План предусматривал и финансирование разведывательной сети в объеме 5300 руб. в год:

- 1) постоянное вознаграждение двух главных агентов – 1200 руб. (по 50 руб. в месяц);
- 2) плата за полугодовые донесения – 700 руб. (50 руб./отчет);
- 3) периодический вызов главных агентов в центральное управление – 200 руб.;
- 4) на разъезды главных агентов – 200 руб.;
- 5) на наем и посылку частных/случайных агентов – 1000 руб.;
- 6) вознаграждение за особо важные сведения – 2000 руб.⁸³

Как очень симптоматичное и закономерное явление отметим, что в 1901 г. на базе Охранной стражи Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) был создан Заамурский пограничный округ. Именно военнослужащие этого округа в начале войны с Японией вступили в бой с врагом.

Особым направлением в деятельности Отдельного корпуса пограничной стражи была работа по фильтрации (проверке на принадлежность к иностранным разведслужбам) дезертиров армий зарубежных стран, к которой привлекались и сотрудники департамента полиции. Например, на 1 января 1901 года водворенными в пределы Российской империи числилось около 900 дезертиров армий иностранных государств: германской – 63 человека, австрийской – 599 человек, румынской – 202 человек (из числа подданных Бессарабской губернии – 200 человек)⁸⁴.

Таким образом, сразу несколько российских имперских ведомств занималось контрразведывательной работой по предотвращению деятельности военных разведок иностранных

---

⁸² Там же. Ф. 401. Оп. 5/929. Д. 631. Л. 81–88.

⁸³ Там же. Ф. 401. Оп. 5/929. Д. 631. Л. 93–102.

⁸⁴ Там же. Л. 232.

государств. Как бы то ни было, но к началу XX века Российская империя формально не имела единого специального органа борьбы со шпионажем на своей территории со стороны других государств. Контрразведывательные функции выполняли Военное и Морское министерства, Отдельный корпус жандармов МВД, Департамент полиции, Отдельный корпус пограничной стражи, подразделения Министерства иностранных дел. Межведомственная разобщенность, дефицит ресурсов и квалифицированных кадров, отсутствие единого координационного центра отрицательно сказывались на обеспечении безопасности империи. Во многом это обстоятельство сказалось на неудовлетворительном результате для нашей страны русско-японской войны 1904–1905 гг.

Хотелось бы подчеркнуть, что сотрудники российских специальных служб в сложившихся условиях просто не могли всеобъемлюще контролировать процессы, которые резко активизировались в российском обществе с приходом к руководству Российской империей Николая II Романова. Вместе с тем необходимо подчеркнуть успешную работу российской военной разведки и контрразведки по целому ряду направлений. Невидимая работа тысяч людей в погонах различных охранных ведомств принесла свои плоды в годы Первой мировой войны.

К началу 1900-х годов в высших кругах российского общества происходили неоднозначные и противоречивые процессы. В экономическом отношении они были связаны и с притоком зарубежного капитала в экономику страны. Естественно, что подобное проникновение иностранного капитала создавало благоприятные условия для активной разведывательной работы на территории России представителей спецслужб иностранных государств. При этом деятельность многих ведомств и отдельных представителей руководящего звена Российской империи прямо расходилась с интересами контрразведки.

В качестве красноречивого примера приведем реакцию Государя Императора на массовое награждение иностранцев. 28 ноября 1900 г. был подготовлен приказ о пожаловании высших орденов Российской империи значительной группе лиц, являвшихся представителями других государств. 2 января 1901 г. на этом приказе Николай II собственноручно написал А. Н. Куропаткину: «Такою щедростью я боюсь, что наши высшие ордена потеряют свое значение и обесценятся в глазах иностранцев. Поставьте об этом в известность наших представителей»⁸⁵.

В начале 1900-х годов российская разведка значительно усиливает свою деятельность в азиатском регионе. Важнейшее значение из них приобретает деятельность военных агентов в Бомбее и Токио⁸⁶. Агентура военных агентов обеспечивает их информацией, которая не может не настораживать. В свою очередь, по своим каналам военные агенты отправляют информацию в Москву, откуда она поступает первым лицам государства.

Подобная независимость представителей специальных служб вызвала неудовольствие посланника Министерства иностранных дел в Японии С. С. Извольского. 3 июля 1902 г. он в ультимативной форме через старшего начальника попросил военных агентов согласовывать с ним всю информацию, которую они готовят для отправки в Санкт-Петербург. Любопытно, что письмо это было подготовлено на французском языке. Не менее красноречив и циркуляр, которые получили военные агенты из столицы уже от своего старшего руководителя: «ставить в известность или докладывать». При этом им разрешалось, в зависимости от характера информации, принимать решение на свое усмотрение⁸⁷. Таким образом, среди представителей различных ведомств были налицо взаимное недоверие и ревность к деятельности друг друга, что не шло на пользу общему делу.

---

⁸⁵ Там же. Ф. 401. Оп. 5/929. Д. 630. Л. 1.

⁸⁶ Там же. Л. 4, 5.

⁸⁷ Там же. Л. 7, 8, 10.

5 марта 1902 г. военный министр А. Н. Куропаткин (1848–1925) и начальник генерального штаба генерал-лейтенант В. В. Сахаров направили письмо министрам: «В последнее время были случаи, когда учреждения гражданского ведомства, желая по существу обсудить проектируемые Военным Министерством мероприятия, запрашивали от вверенного мне Министерства сведения, относящиеся до обороны страны или до боевой готовности армии... Государь Император в 12 день февраля сего года высочайше соизволили повелеть: документы секретного характера, касаемые обороны государства и расчетов приведения армии в боевую готовность, сохранять в строгой тайне, не допуская передачи их в те управления, в область ведения которых не входят специальные вопросы по подготовке вооруженных сил государства к войне»⁸⁸.

Показательно, что первым дал ответ на письмо Министр иностранных дел граф В. Н. Ламсдорф, начинавший службу в 4-м отделении Собственной Е. И. В. Канцелярии. В своем письме Куропаткину он отвечал, что сотрудникам министерства уже дано указание по этому поводу⁸⁹. Ответы от других министерств в адрес Куропаткина поступили значительно позже, а от некоторых не поступили и вовсе.

На наш взгляд, именно события марта 1902 г. можно считать непосредственной отправной точкой к созданию единой контрразведывательной службы спустя очень короткое время. Это явилось следствием длительного процесса, который уходит своими истоками в начало 1890-х годов.

Таким образом, в 1890-е годы и первые годы нового XX века российскими специальными службами проводилась активная деятельность по защите национальных интересов государства. Именно в эти годы сложились основные схемы и механизмы взаимодействия различных ведомств, деятельность которых была подчинена единой цели – обеспечению безопасности страны. Представители спецслужб Российской империи использовали широкий комплекс мероприятий, направленных на защиту интересов Российской империи. В число этих мероприятий входили агентурная и политическая разведка, обеспечение противодействия деятельности иностранных спецслужб, проведение специальных мероприятий, дезинформирование противника и проч.

Во многом определяющую роль в этом процессе сыграли военные агенты, которые добывали и аккумулировали ценнейшую информацию оперативно-тактического, политического, военного, научного военно-прикладного значения. Сопоставление информации из различных регионов позволяло российскому военно-политическому руководству вырабатывать правильную линию поведения и предпринимать более взвешенные решения. Появление новых структур и формирование механизма взаимодействия привело к складыванию оптимальной формы организации военной контрразведки в условиях того времени.

Фактически в 1890-е и первые годы нового XX века завершился процесс предпосылок формирования единой централизованной службы военной контрразведки, который привел к созданию в 1903 г. новой структуры.

---

⁸⁸ Там же. Ф. 401. Оп. 5/929. Д. 630. Л. 14.

⁸⁹ Там же. Л. 15–16.

Ю. Ф. Овченко

Политический розыск в императорской России: методы и средства

«Святая святых» политического розыска – секретная агентура

Наиболее важной и секретной частью политической полиции была служба внутреннего наблюдения. В Инструкции по организации и ведению внутренней агентуры указывалось, что «единственным, вполне надежным средством, обеспечивающим осведомленность розыскного органа о революционной работе, является внутренняя агентура»⁹⁰

---

⁹⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 261. Д. 206. Л. 62; Тайны политического сыска. Инструкция о работе с секретными сотрудниками. СПб., 1992. С. 2.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.